

18+

ДЖОБИ УОРРИК

ЧЕРНЫЕ ФЛАГИ

CoRpus

БЛИЖНИЙ ВОСТОК
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

ЛАУРЕАТ ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ 2016 ГОДА

Джоби Уоррик

**Черные флаги. Ближний
Восток на рубеже тысячелетий**

«Corpus (ACT)»

2015

УДК 329(5-011.5)

ББК 66.69(5)

Уоррик Д.

Черные флаги. Ближний Восток на рубеже тысячелетий /

Д. Уоррик — «Corpus (АСТ)», 2015

С беспристрастностью компетентного исследователя и незаурядным мастерством рассказчика американский журналист Джоби Уоррик разворачивает перед нами яркое и страшное полотно – новейшую историю Ближнего Востока. Неизбежно в центре этой документальной повести оказывается парадоксальная фигура Абу Мусаба аз-Заркави, террориста, затмившего своей дурной славой Усаму бен Ладена и заложившего фундамент самой бесчеловечной организации нашего времени – Исламского государства (организация запрещена на территории РФ). На фоне изменчивых декораций – замыслы и просчеты политиков разных стран, войны в Ираке и Сирии, усилия американских и иорданских спецслужб – Уоррик прослеживает пути и методы международного терроризма, по сей день угрожающего миру.

УДК 329(5-011.5)

ББК 66.69(5)

© Уоррик Д., 2015

© Corpus (АСТ), 2015

Содержание

От автора	6
Список главных действующих лиц	7
Пролог	9
Книга первая	16
Глава 1	16
Глава 2	25
Глава 3	34
Глава 4	43
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джоби Уоррик

Черные флаги. Ближний Восток на рубеже тысячелетий

© Joby Warrick, 2015,

© Е. Тепляшина, перевод на русский язык, 2018,

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018,

© ООО «Издательство Аст», 2018

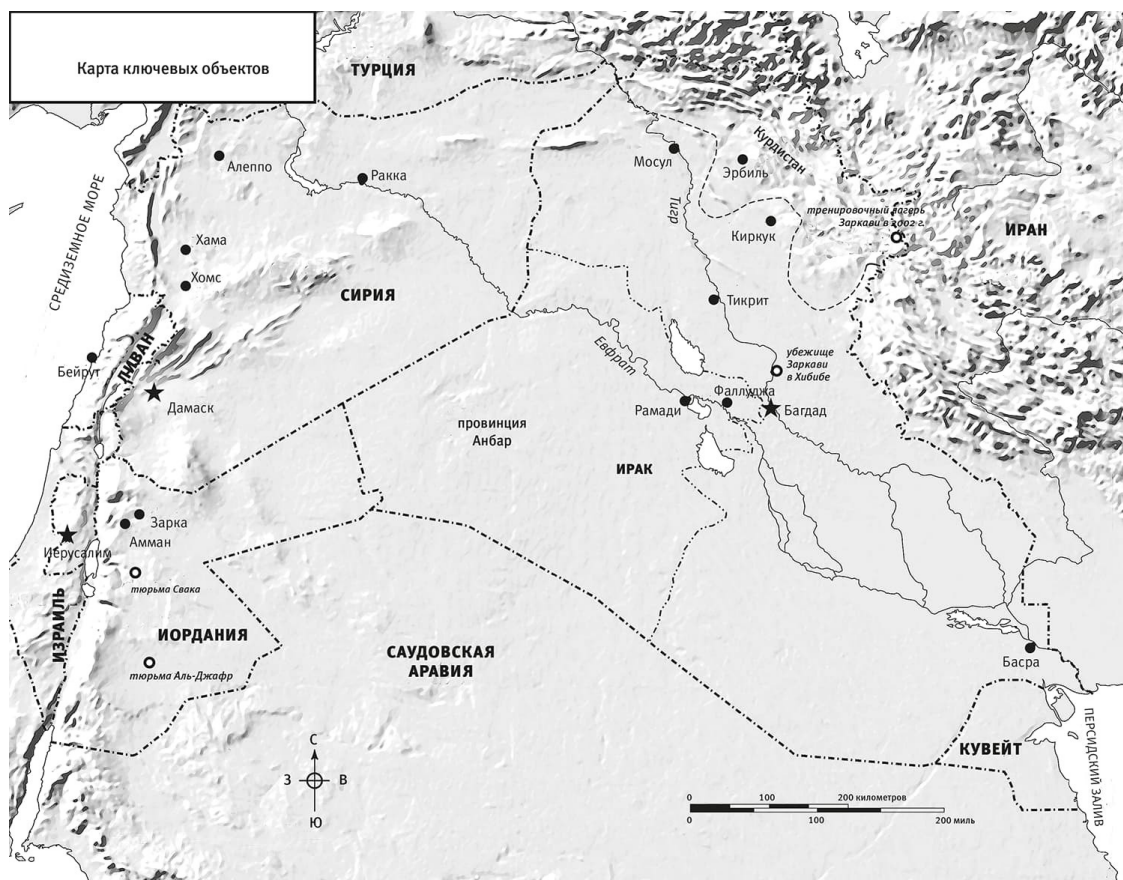
* * *

Посвящаю Мэриэнн

с любовью и благодарностью

Вы видите перед собой людей, которые любят смерть больше, чем вы любите жизнь.

Халид ибн а-Валид (воин ислама VII века, соратник пророка Мухаммеда)

От автора

Имена некоторых действующих и бывших служащих иорданской разведки, проинтервьюированных автором, по обоюдному согласию изменены из соображений безопасности. На страницах книги они упоминаются под своими неофициальными арабскими *куньями*, а не под данными в семье именами.

Список главных действующих лиц

Заркави и его поколение

Абу Мухаммад аль-Макдиси (собственное имя – Аасим Мухаммад Тахир аль-Баркави), иорданско-палестинское духовное лицо и писатель, бывший сокамерник и наставник Заркави

Абу Мусаб аз-Заркави (собственное имя – Ахмад Фадиль аль-Халайли), иорданский террорист, основатель “Аль-Каиды в Ираке”^{*1}

Абу аль-Гадийя, сириец-стоматолог, старший соратник Заркави, снабженец

Айман аз-Завахири, руководитель ядра “Аль-Каиды”^{*}, бывший представитель Усамы бен Ладена

Усама бен Ладен, основатель “Аль-Каиды”^{*}

Исламское государство Ирак^{*} и его преемники

Абу Умар аль-Багдади (собственное имя – Хамид Давуд Мухаммед Халиль аль-Зави), бывший член баасистской партии Саддама Хусейна и лидер Исламского государства Ирак^{*} с 2006 по 2010 год

Абу Айюб аль-Масри (собственное имя Абу Хамза аль-Мухаджир), египетский специалист по взрывчатым веществам и соратник Заркави, ставший вторым руководителем Исламского государства Ирак^{*} в 2006 году; убит во время авиаудара в 2010 году

Абу Бакр аль-Багдади (собственное имя Ибрагим Авад аль-Бадри), исламское духовное лицо и духовный советник ИГИЛ^{*}, в 2010 году стал одним из руководителей организации; в 2014 году провозгласил себя “халифом” Исламского государства Ирак^{*}

Абу Вахиб (собственное имя Шакер Вахиб ад-Дулайми), жестокий, обожающий видеть себя на телеэкране руководитель ИГИЛ^{*} в провинции Анбар. Прославился убийствами шиитов – водителей грузовиков, а также других гражданских лиц

Хаджи Бакр (собственное имя Самир аль-Хлифави), представитель Абу Бакра аль-Багдади и руководитель военного совета ИГИЛ^{*}; убит в 2014 году

В Иордании

Король Абдалла II, четвертый правитель Иорданского Хашимитского Королевства

Абу Хайсам, ведущий сотрудник отдела по борьбе с терроризмом Службы общей разведки (СОР), Иордания

Абу Мутаз, оперативный сотрудник резидентуры СОР, позже – один из руководителей СОР; специалист по вербовке исламистов в информаторы

Али Бурзак, сотрудник СОР и легендарный дознаватель, известный как Красный Дьявол Лоуренс Фоули, сотрудник среднего звена в посольстве США в Аммане (Иордания)

Салим бен Сувейд, последователь Заркави, организовавший убийство Фоули

¹ Здесь и далее звездочкой отмечены названия организаций, запрещенных на территории Российской Федерации (прим. ред.).

Азми аль-Джаюси, палестино-иорданец, прошел обучение в лагере Заркави в Герате (Афганистан); готовил взрыв “грязной” химической бомбы в Аммане

Саида ар-Ришави, неудавшаяся террористка-смертница, в 2005 году принимала участие в террористической атаке на отели в Аммане (Иордания)

В Ираке

Саддам Хусейн, президент Ирака с 1979 по 2003 год

Чарльз “Сэм” Фэддис, оперативный сотрудник ЦРУ в Ираке вплоть до вторжения 2003 года; требовал превентивного удара по лагерю Заркави

Нада Бакос, сотрудник ЦРУ и главный специалист, ответственный за отслеживание Заркави

Зейдан аль-Джабири, старейшина суннитского племени, Рамади, Ирак

Генерал Стэнли Маккрystal, глава Совместного командования специальных операций, руководитель охоты на Заркави в Ираке

Зейд аль-Карбули, сотрудник иракской таможни, состоявший на жалованье у “Аль-Каиды в Ираке”*

Нури аль-Малики, шиитский премьер-министр Ирака с 2006 по 2014 год

В Сирии

Башар аль-Асад, президент Сирии

Роберт Форд, посол США в Сирии с 2010 по 2014 год

Муаз Мустафа, директор Сирийских сил чрезвычайного назначения, некоммерческой организации, предоставившей возможность вести наблюдения, когда положение в Сирии ухудшалось

Абу Мухаммад аль-Джулани, лидер “Джабхат ан-Нусра” (“Фронт аль-Нусра”)*, сирийского отделения Исламского государства Ирак*, образованного в конце 2011 года

Кофи Аннан, генеральный секретарь ООН с 1997 по 2006 год; намеревался выступить посредником в сирийском мирном соглашении

В Вашингтоне

Дик Чейни, вице-президент США, добивался от ЦРУ помощи в поиске связей между “Аль-Каидой”* и правительством Ирака

Хиллари Клинтон, госсекретарь США с 2009 по 2013 год

Майкл Хейден, директор Агентства национальной безопасности, директор Государственной разведки в период кампании против Заркави; директор ЦРУ с 2006 по 2009 год

Фредерик Хоф, специальный советник Госдепартамента США по Ближнему Востоку и Сирии с 2009 по 2012 год

Сенатор Джон Маккейн, председатель комитета Сената США по вооруженным силам

Леон Панетта, директор ЦРУ с 2009 по 2011 год; министр обороны с 2011 по 2013 год

Роберт Ричер, бывший глава резидентуры в Иордании, позже шеф ближневосточного отдела ЦРУ и заместитель директора по оперативной работе

Джордж Тенет, директор ЦРУ с 1996 по 2004 год

Пролог

Амман, Иордания, 3 февраля 2015 г.

Судебный приказ о казни Саиды ар-Ришави поступил в главную женскую тюрьму города с наступлением темноты. Приказ исходил непосредственно от короля Абдаллы II и был отдан во время государственного визита в Вашингтоне; его доставили из личного самолета его величества в королевский суд иорданской столицы. Чиновники по цепочке передали приказ в министерство внутренних дел, где он произвел переполох. Государственная казнь – сложное дело, требующее множества последовательных действий, хотя король ясно выразил свою волю: этой женщине надлежит оказаться на виселице до рассвета следующего дня.

Старший надзиратель быстро прошел к камере, где Ришави вот уже почти десять лет жила в некоем подобии одиночного заключения, к которому приговорила себя сама. Ришави, сорокапятилетняя, располневшая, проводила свои дни в основном перед телевизором или читая Коран в мягкой обложке; она ни с кем не виделась, а мысли держала под грязным тюремным хиджабом, который носила не снимая. Она была неглупой женщиной, но казалась выключенной из происходящего. “Когда я поеду домой?” – спрашивала она государственного адвоката, с которым изредка встречалась в месяцы, последовавшие за вынесением смертного приговора. В конце концов прекратились и эти визиты.

Сейчас, когда надзиратель усадил ее, чтобы объяснить, что она умрет этим утром, Саида кивнула в знак согласия, но ничего не сказала. Если она кричала, умоляла или проклинала, то никто в тюрьме ни слова не слышал.

То, что Ришави готова к смерти, ни для кого не стало неожиданностью. В 2006 году суд приговорил Ришави к повешению за участие в одном из самых кровавых в истории Иордании терактов: один за другим были взорваны три отеля, погибли шестьдесят человек, большинство из которых пришли на свадьбу. Ришави оказалась выжившей террористкой-смертницей – странная густобровая женщина неуклюже поворачивалась перед телекамерами, показывая жилет, который так и не взорвался. Когда-то каждый житель Аммана знал историю о том, как эта тридцатипятилетняя незамужняя уроженка Ирака согласилась выйти замуж за незнакомого ей человека, чтобы образовать с ним супружескую пару террористов-смертников; как она в панике убежала; как, заблудившись, колесила по северным окраинам города на такси; как останавливала прохожих, чтобы спросить направление, и одежда на ней была в пятнах крови.

Но с тех пор прошло почти десять лет. Отели отстроили заново и переименовали, а Ришави растворилась в лабиринтах иорданской тюремной системы. В женской тюрьме Джувейда ее осеяло нечто вроде поблекшей дурной славы – музейная ценность, на которую больше никто не смотрит. Кое-кто из старых служащих государственной безопасности называл ее “женщина Заркави” – издевательская отсылка к знаменитому иорданскому террористу Абу Мусабу аз-Заркави, который отдал приказ о взрыве гостиниц. Те, кто помоложе, с трудом представляли себе, кто она такая.

И вот в течение месяца все изменилось. Оказалось, что последователи Заркави не забыли Ришави. За прошедшие годы террористы произвели ребрендинг, и теперь их организация называлась в Иордании арабским акронимом ДАЕШ, или ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта)*. И в январе 2015 года ИГИЛ* потребовала вернуть Ришави.

Требование о ее освобождении пришло в Иорданию в разгар тяжелейшего внутреннего кризиса. В Сирии потерпел крушение реактивный самолет иорданских ВВС, молодого пилота живым захватили боевики ИГИЛ*. ИГИЛ* распространила фотографии, на которых испуганного, почти голого летчика гонят через строй ухмыляющихся джихадистов; иные тянутся обнять этот великий подарок, который Аллах бросил им с неба.

И король с советниками во дворце, и служащие контрразведки в своих кабинетах напряженно ждали еще худших новостей. Они опасались, что ИГИЛ* либо устроит публичную расправу над пленным, либо потребует за его освобождение немислимый выкуп.

Верная себе, ИГИЛ* объявила о своем решении самым зловещим образом. Меньше чем через неделю после крушения в семье пленного летчика раздался звонок с его сотового телефона. Незнакомый, говоривший по-арабски с иракским акцентом, изложил единственное требование группировки.

“Нам нужна наша сестра Саида”, – сказал он.

То же требование, плюс несколько новых, повторялось и в изменчивых и по большей части односторонних переговорах. Все запросы направлялись в штаб-квартиру Мухабарата, иорданской разведывательной службы, чтобы в конце концов оказаться на столе у представительного сорокасемилетнего бригадного генерала, руководителя контртеррористического подразделения. Даже в агентстве, печально известном своей суровостью, Абу Хайсам стоял особняком – человек с телосложением дюжего уличного бойца и железным характером. Он много лет преследовал ИГИЛ* во всех ее инкарнациях и прославился тем, что расколол на допросах нескольких боевиков с самой верхушки. Сам Заркави несколько раз побывал у Абу Хайсама в камере временного содержания – так же, как Саида ар-Ришави, женщина, чье освобождение теперь добивалась ИГИЛ*.

За пределами Иордании это требование имело мало смысла. Имя Ришави отсылало к истокам группы, к тем временам, когда не было еще ни ИГИЛ*, ни гражданской войны в Сирии; еще не произошел кризис в Ираке, давший толчок к развитию организации, и мир ничего не знал о террористе по имени Заркави. Сотрудники Мухабарата пытались не дать террористической группировке найти точку опоры. Им это не удалось – частью из-за собственных ошибок, но чаще из-за чужих просчетов. Джихадистская организация Заркави превратилась в самопровозглашенное государство с территориальными претензиями на две иорданские границы. И Ришави, неудавшаяся шахидка, стала одним из давних счетов, уплаты по которым требовала теперь ИГИЛ*.

Вызывая этот забытый призрак, ИГИЛ* воскрешала в сознании иорданцев одну из самых ужасных ночей в истории страны, момент, оставивший неизгладимый след в памяти поколения Абу Хайсама – бывших разведчиков среднего звена, капитанов, следователей и замов, ныне дослужившихся до руководящих постов в Мухабарате. Однажды Заркави удалось ударить в самое сердце Иордании; ИГИЛ*, в чьих руках находился сейчас летчик-иорданец, готовилась сделать это снова.

Абу Хайсам в ту ночь был на рабочем месте. Он помнил каждую деталь преступления, за которое Ришави приговорили к повешению. Помнил ощущения той ночи, запах крови и дыма, крики раненых.

Крепче всего в память врезались две девочки.

Двоюродные сестры, одной девять, другой четырнадцать, Абу Хайсам знал их имена: Лина и Рихам. Амманские девочки, приехали на свадьбу. Обе одеты в белое, нежные, бледные, умиротворенные лица. “Как ангелы”, – подумал он тогда.

На девочках были почти одинаковые кружевные платья, которые родители купили для праздника, и нарядные балльные туфли. Чудесным образом выше шеи у обеих не было ни царапинки. Когда Абу Хайсам в первый раз увидел их, лежащих бок о бок на больничных каталках, в хаосе первых минут, он подумал, что девочки спят. Раненые, но под успокоительным и снотворным. “Хоть бы оказалось, что они спят”, – молился он.

А потом увидел чудовищные раны, оставленные шрапнелью.

В момент взрыва девочки, видимо, стояли, как все, восторженно восклицая и хлопая в ладоши; жених и невеста готовились войти в бальный зал амманского отеля “Рэдиссон”, освещенного, словно ярмарка в холодной и темной ноябрьской пустыне. Отцы новобрачных – широкие улыбки, взятые напрокат смокинги – заняли свои места на возвышении, и арабский оркестр из визгливых деревянных дудок и отбивающих ритм барабанов поднял такой шум, что администраторам в лобби гостиницы приходилось перекрикивать его. Праздник приближался к своей шумной, потной, буйной кульминации. Никто, кажется, не обратил внимания на две фигуры в темных балахонах, которые, неуклюже потоптавшись у дверей, протолкались через ряды выкрикивающих приветствия гостей в бальный зал.

Ослепительная вспышка; ощущение, что все падает: потолок, стены, пол. Взрывной волной из кроватей выбросило постояльцев, спавших на верхних этажах гостиницы, и выбило толстые зеркальные стекла в дверях лобби. Оглушительный грохот, потом – тишина. Потом – крики.

Сработала всего одна бомба, но ее начинка пронеслась через бальный зал, как рой летающих бритв. Сотни стальных шарикоподшипников, тщательно и плотно уложенных вокруг ядра бомбы, пронизали свадебные украшения, подносы с едой и обивку мебели. Они разнесли в щепки деревянные столы и вдребезги раскололи мраморные плиты. Они прорвали вечерние платья и модные сумочки, пиджаки и хрустящие рубашки, и белые платья в оборочках, какие надевают на торжественные приемы юные девушки.

В ту среду, в начале ноября 2005 года, Абу Хайсам, тогда капитан, как раз заканчивал очередную долгую смену. Вечером, около девяти, поступил первый звонок о взрыве в “Гранд-Хайятт” на другом конце города. Сначала решили, что взорвался газовый баллон, но потом пришло сообщение о втором взрыве, в отеле “Дейз-Инн”. Третий взрыв – по поступившим сведениям, гораздо более мощный – произошел в “Рэдиссоне”. Абу Хайсам хорошо знал это место. Достопримечательность Аммана, шикарный по иорданским меркам, выстроенный на вершине холма, “Рэдиссон” был отлично виден почти из любой точки города, включая офис Абу Хайсама, расположенный почти в двух милях от отеля.

Примчавшись в отель, Абу Хайсам протолкался внутрь, мимо спасателей и рыдающих выживших, мимо накрытых тел на тележках для багажа, сдвинутых на подъездную дорожку. В бальном зале сквозь пелену дыма, при аварийном освещении он увидел еще больше тел. Некоторые валялись, словно их разбросал какой-то великан. У других не хватало рук и ног. На обвалившемся возвышении лежали два скорчившихся остова в смокингах. Отцы жениха и невесты оказались ближе всех к террористу и погибли мгновенно.

Абу Хайсам собрал команды, работавшие той ночью на местах трех взрывов, и попытался выяснить, удалось ли найти остатки взрывчатых устройств, а также фрагменты тел, являвшие собой останки трех террористов. Лишь позже, в больнице, возле деревянных столов временного морга, его накрыло осознание чудовищности этого вечера. Изуродованные тела. Десятки раненых. Запах крови и дыма. Девочки, Лина и Рихам, неподвижно лежат в изорванных белых платьях. У Абу Хайсама, любящего отца, были девочки того же возраста. “Неужели это сотворило существо с человеческим сердцем?” – произнес он вслух.

Всего через два дня поступили новости о том, что одна террористка осталась жива и бежала. На следующий день Саида ар-Ришави уже сидела на стуле напротив Абу Хайсама.

Ар-Ришави, тесно связанная с такой важной и явно хорошо спланированной миссией, определенно что-то знала. Где террористы нанесут следующий удар? К исполнению каких планов приступили – может быть, прямо в эти минуты?

Женщина только тихо бубнила: “Я не знаю, не знаю”. Она повторяла эти слова медленно, словно под наркотиками.

Абу Хайсам умолял ее. Угрожал. Взывал к ее совести, вере, к Аллаху. Уходили часы, и он боялся, что часы решающие.

“Насколько же вам промыли мозги! – закричал он в какой-то момент. – Почему вы защищаете людей, которые втравили вас во все это?”

Женщина не произнесла ни единого слога, из которого можно было бы выжать хоть что-нибудь, – ни тогда, ни в течение долгих месяцев после смертного приговора. Однако Абу Хайсам уже знал, кто стоит за терактами. Это знали все служащие Мухабарата, еще до того, как преступник распространил аудиозапись с признанием. Все признаки были налицо: четко спланированные взрывы, все в течение десяти минут; “комплектация” живых бомб – каждый террорист был снабжен устройством, состоящим из гексогена и металлических элементов в количестве достаточном, чтобы устроить настоящую бойню. Наиболее красноречивой подсказкой служил выбор мишеней: обычные отели, где по вечерам разряженные представители амманского среднего класса переполняли арендованный танцевальный зал, чтобы отпраздновать свадьбу или отметить какое-нибудь важное событие. Вряд ли кто-то из служащих разведки или армейских генералов явился бы в лобби “Рэдиссона” в девять вечера в будний день. Зато там собиралось множество иорданцев, верных ритуалам мирной жизни в стране, граничащей с зоной военных действий.

Подобный почерк, как и характерный голос на аудиозаписи, мог принадлежать только Заркави – человеку, которого Мухабарат знал исключительно хорошо. Когда произошли взрывы, Заркави возглавлял одну из самых страшных террористических сетей – “Аль-Каида в Ираке”*. Но иорданцы знали его еще по тем дням, когда он был Ахмадом-хулиганом, исключенным из школы выпивохой и скандалистом. Знали, как в конце восьмидесятых он отправился в Афганистан воевать с коммунистами и вернулся закаленным в боях религиозным фанатиком. После первых шагов по стезе терроризма он исчез в одной из самых мрачных иорданских тюрем. Оттуда он вышел еще более закаленным фанатиком, который к тому же проявил недюжинные способности вести за собой людей.

Абу Хайсам был среди тех, кто пытался изменить путь Заркави после тюрьмы. Он последним из разведчиков видел его в 1999 году, когда Заркави, получив разрешение навсегда покинуть страну, снова собрался в Афганистан, к будущему, которое, как думали в Иордании, не сулит ему ничего, кроме безвестности и пыльной могилы.

Затем произошло невероятное: вмешалась Америка. Мало кто за пределами разведывательной службы слышал о Заркави – и тут Вашингтон сделал из него звезду терроризма, объявив в 2003 году миру, что этот ничем не примечательный иорданец представляет собой связующее звено между иракской диктатурой и теми, кто стоял за терактами 11 сентября 2001 года. Это не соответствовало действительности, однако через несколько недель, когда войска США вторглись в Ирак, недавно ставший знаменитостью и щедро финансируемый террорист обрел поле боя, великую цель, а вскоре и тысячи последователей. Три беспокойных года он целенаправленно подталкивал Ирак к межконфессиональной вражде, организуя одно за другим беспрецедентно жестокие нападения на мирных шиитов в мечетях, на базарах и в школах. Он приводил в ужас миллионы, используя новую, в высшей степени персонализированную террористическую тактику: обезглавливал заложников, снимал казнь на видео и распространял запись по всему миру, пользуясь новыми возможностями интернета, позволяющими доставить информацию в каждый дом. Попутно он набросился и на родную Иорданию: с его помощью молниеносная победа США в Ираке превратилась в самую дорогостоящую американскую военную кампанию со времен Вьетнама.

И все же самое значительное его достижение явилось миру только спустя годы. Хотя некоторые считали его группой ответвлением “Аль-Каиды”*, Заркави не был ничьим подручным. Его бренд джихадизма был исключительно, жестоко оригинальным. Усама бен Ладен намеревался освободить исламские народы от тлетворного западного влияния, чтобы они когда-нибудь смогли объединиться в единое исламское теократическое государство, или халифат. Заркави же намеревался создать свой халифат немедленно, прямо сейчас. Он пытался уста-

новить царство Аллаха на земле посредством актов немыслимой жестокости, веря (и в этом он не ошибся), что демонстрация радикального насилия привлечет под его знамена наиболее убежденных джихадистов, а остальных запугает до полного повиновения. Его стратегия встряхнула Ближний Восток так, как никогда не удавалось “Аль-Каиде”^{*}.

Но крайности Заркави заставили его противников действовать решительнее. После терактов в гостиницах Абу Хайсам и его коллеги из Мухабарата поставили себе простую цель: устранить человека, отдавшего приказ о взрывах. Когда в 2006 году им это удалось (иорданцы предоставили США разведданные, которые помогли выследить Заркави в его убежище), террористу и его организации, казалось, пришел конец. Однако последователи Заркави лишь ненадолго отступили; они тихо копили силы в бандитских провинциях Сирии и в 2013 году вновь явились на свет божий – уже не как террористическая группа, а как армия.

На этот раз измотанная войной Америка отказывалась помогать до тех пор, пока помогать не стало уже поздно. На этот раз не было ни серьезных попыток вооружить умеренных повстанцев, отказывавших ИГИЛ^{*} в надежном пристанище, не было авиаударов, способных измотать руководство ИГИЛ^{*} и его поставщиков. Дважды за десятилетие волны джихада грозили затопить регион. И дважды, казалось иорданцам, реакция США лишь пробивала очередную дыру в спасательной лодке.

Преемники Заркави именовали себя по-разному, пока не остановились на названии ИГИЛ, или просто Исламское государство^{*}. Но они все так же провозглашали Заркави “шейхом моджахедов”, признавая основателем движения того, кто дерзко верил, что сумеет перекрыть карту Ближнего Востока. И, подобно Заркави, они верили, что история их завоеваний на этом не закончится.

Заркави видел предсказание своей судьбы в пророческих пассажах священных исламских текстов, известных как хадисы. Он и его люди были теми воинами в черном, о которых богословы прежних времен писали: “Черные флаги придут с Востока, придут могучие мужи, с длинными волосами и бородами, их имена взяты по названиям родных городов”. Завоеватели претендовали не только на исконные исламские земли. Им также предстояло стать зачинщиками решающего политического сражения, которое приведет к уничтожению западных армий на севере Сирии.

“Искра зажглась здесь, в Ираке, – проповедовал Заркави, – и будет разгораться до тех пор, пока не сожжет армии крестоносцев в Дабике”.

Служащие разведки наслушались от Заркави этих речей, еще когда он сидел в тюрьме Мухабарата. Теперь те же наглые заявления исходили от его последователей. Тридцатитысячная армия встала у границ Иордании, призывая свою сестру Саиду.

Фарсу с обменом пленными пришел конец 3 февраля 2015 года, на следующий день после прибытия короля Иордании в Вашингтон с официальным визитом. Для Абдаллы II этот визит был последним в ряду изматывающих путешествий, во время которых он повторял одну и ту же просьбу о помощи. Его крошечная страна пыталась справиться с двумя навалившимися на нее из-за рубежа ношами: волной беженцев из Сирии – на тот момент около шестисот тысяч человек – и ценой, в которую обходилось участие в объединенной западно-арабской военной кампании против ИГИЛ^{*}. Поездка проходила не особенно удачно. Члены Конгресса выражали сочувствие, но не более того; официальные представители Белого дома, как обычно, обещали поддержать иорданскую оборону и находящуюся в критическом положении экономику, но помощь, в которой так отчаянно нуждался Абдалла, ему никто оказывать не собирался.

Разочарование короля уже давно затвердело и превратилось в обиду. Во время предыдущих визитов президент Обама отклонил просьбы Иордании о поставке снарядов с лазерным

наведением и других современных боеприпасов, способных вывести из строя бронемашину ИГИЛ*. Во время этой поездки не было даже твердой договоренности о встрече двух глав государства.

Абдалла находился в Капитолии, где излагал свою просьбу Джону Маккейну, республиканскому сенатору и председателю Комитета Сената по вооруженным силам, когда его прервал один из адъютантов. Монарх вышел в коридор и на маленьком экране смартфона увидел последнее слово ИГИЛ* в переговорах об обмене пленными. На записи джихадисты в масках загнали молодого иорданского летчика в железную клетку, облитую горючим. Потом подожгли и засняли, как летчик сгорает заживо.

К тому времени, как Абдалла вернулся к сенатору, помощники Маккейна тоже посмотрели видео. Король сохранил самообладание, но Маккейн заметил, что он сильно потрясен. “Могу я что-нибудь сделать для вас?” – спросил он. “Я не вижу поддержки с вашей стороны! – ответил наконец Абдалла. – Мы все еще получаем только бомбы свободного падения, да и тех у нас осталось не так много. А ведь мы совершаем вылетов на двести процентов больше, чем все члены коалиции вместе взятые, за исключением США”.

Король продолжил встречи по графику, но принял решение вернуться домой. Он уже отдавал распоряжения, когда из Белого дома позвонили и предложили пятнадцатиминутную встречу с президентом. Абдалла согласился.

В Овальном кабинете Обама выразил соболезнования родным летчика и поблагодарил короля за вклад Иордании в военную кампанию против ИГИЛ*. Администрация делает все возможное, чтобы оказать поддержку, заверил монарха президент. “Нет, сэр, не делает”, – твердо ответил Абдалла. И тут же перечислил необходимые ему оружие и боеприпасы. “У меня осталось бомб на три дня, – сказал он, по свидетельству присутствовавшего на переговорах служащего Белого дома. – Когда я вернусь домой, буду сражаться, пока не кончатся снаряды”.

Перед возвращением ему предстояло разобраться еще с одним делом. Из аэропорта Абдалла позвонил своим помощникам в Аммане и распорядился привести в исполнение два смертных приговора. В Иордании казни ожидали двое осужденных за убийства по приказу Заркави. Один был иракский боевик среднего звена. Другая – Саида ар-Ришави. Обоих следовало предать казни без дальнейших отлагательств.

Король предвидел, что западные правительства станут протестовать против казней как актов возмездия, несмотря на то что смертные приговоры были вынесены уже давно, во время обычного судебного процесса. Но он не собирался поддаваться. Встреча с палачом и так откладывалась слишком долго, сказал он помощникам. “Ничего не хочу ни от кого слышать”, – объявил Абдалла.

В два часа ночи по амманскому времени, когда король еще находился в самолете, надзиратели явились, чтобы увести Саиду из камеры. Она отказалась от предложенного по обычаю последнего ужина и ритуальной ванны, во время которой верующие мусульмане очищают плоть, готовясь к загробной жизни. Она надела красную робу, положенную осужденным в день казни, и свой обычный хиджаб, чтобы закрыть голову и лицо.

Ее вывели за ворота тюрьмы, к ожидавшему микроавтобусу с военным эскортом, и повезли в Сваку, самую большую тюрьму Иордании, расположенную на пустынном холме примерно в шестидесяти милях от столицы. Автомобили прибыли на место около четырех утра; полная луна, видимая сквозь легкий туман, висела над горизонтом на юго-западе.

Последним, что увидела Саида на земле, до того как ей завязали глаза, была маленькая камера с белыми стенами и рядом крошечных окошек – какие-то усталые лица глядели в них из галереи свидетелей, расположенной ниже. Имам молился, пока петлю закрепляли тяжелым металлическим зажимом; судья спросил, хочет ли Ришави выразить последнее желание или последнюю волю. Она ничего не ответила.

Она, кажется, не издала ни звука, даже когда открылся люк в помосте и она рухнула в темноту. Когда тюремный врач проверил пульс, было 5.05 утра, почти девятнадцать минут до рассвета.

“Женщина Заркави” была мертва, ее казнь стала финальной сценой самого страшного в истории Иордании теракта. Но дети Заркави преследовали куда более амбициозные, чем у основоположника, цели: покончить с Иорданией и ее королем, разрушить международные связи, уничтожить современные государства Ближнего Востока. А потом, подняв черные флаги над исламскими столицами от Леванта до Персидского залива, вступить в финальную апокалиптическую битву с Западом.

Книга первая Восхождение Заркави

Глава 1

“Человек, способный приказывать взглядом”

Старая крепость Аль-Джафр снискала печальную славу самой страшной иорданской тюрьмы, места, где предаются забвению смутяны. Она расположена за пределами бедуинского поселения с тем же названием, на дороге, которая отмечает границу человеческого обитания в суровой юго-восточной пустыне. За пределами тюрьмы земля сплюснута в чашу спекшейся грязи, которая тянется до горизонта – ни холма, ни камня, ни травинки. Древнее озеро, бывшее здесь когда-то, превратилось в пар эоны назад, оставив после себя пустоту, словно отмершая конечность, и это противоестественное зияние вовлекает немногих путешественников, останавливающихся полюбопытствовать, в водоворот страха. “Какая жуткая тоска”, – писал режиссер Дэвид Лин, снявший в 1962 году несколько коротких эпизодов “Лоуренса Аравийского” в этой литорали и объявивший ее “самой пустынной из всех виденных мною пустынь”. Его оператор, Говард Кент, опишет Аль-Джафр просто: “предостережение, как выглядит ад”.

Именно это место британские военные выбрали под строительство внушительной тюрьмы, со стенами из известняка и высокими сторожевыми башнями, для арестантов, считавшихся слишком опасными, чтобы держать их в обычных тюрьмах. И именно здесь через несколько лет иорданцы начали практиковать карантин палестинских боевиков и других радикалов, рассматриваемых как угрозу для государства. Сотни мужчин, многие без официального приговора, томились в душных, кишасших вшами и клопами камерах, терпели жару и холод, тухлую еду и подвергались целому набору издевательств, позже задокументированных следователями ООН. Новоприбывших неизменно избивали до потери сознания. Прочих стегали кабелями, прижигали сигаретами или подвешивали вниз головой на палке, протянутой под коленями, – поза, которую надзиратели жизнерадостно называли “цыпленок на гриле”. Со временем монархию начали изматывать затраты на содержание тюрьмы, столь изолированной от населения страны и наносящей столько ущерба ее, монархии, репутации. В 1979 году последних ее обитателей отправили по другим тюрьмам, и Аль-Джафр оказался предоставлен скорпионам и своим собственным призракам.

Прошло несколько лет – и вот внезапная перемена: старую тюрьму воскресили. Руководителей государственной безопасности все больше беспокоило поведение банды враждебных правительству фанатиков в Сваке, главной тюрьме страны, и в 1998 году было решено изолировать группу, чтобы предотвратить распространение заразы. Чиновники снова открыли один из пыльных корпусов Аль-Джафры, отправив армию рабочих подметать коридоры и готовить большую камеру, в которую можно было бы посадить всю группу. Двадцать пять нар собрали и составили тесными рядами, а в дверном проеме – единственном отверстии камеры, не считая вентиляционных щелей в стенах на уровне колен, – повесили новую железную дверь-решетку. Когда основное было готово, департамент назначил начальника тюрьмы и нанял обычный штат надзирателей, прачек и поваров. Обитателей было слишком мало, чтобы специально нанимать тюремного врача; так Базиля ас-Сабху, недавнего выпускника мединститута, назначенного в департамент здравоохранения местного городка, призвали оказывать медицинские услуги пятидесяти самым опасным людям страны.

Двадцатичетырехлетний Сабха – высокий, по-мальчишески симпатичный – не хотел этого назначения и горько жаловался на свою должность. Тюрьмы в Иордании были отврати-

тельны, а эта еще хуже прочих – во всяком случае, если верить ее репутации. Тревога Сабхи усилилась в первый же день, когда начальник тюрьмы, немолодой полковник по имени Ибрагим, усадил его изучать список мер предосторожности. Когда имеешь дело с заключенными вроде этих, предостерег он Сабху, надо постоянно находиться по другую сторону решетки, даже во время медосмотра. И не расслабляйтесь, не думайте, что железная дверь – это хорошая защита, предупредил полковник. “Эти люди очень опасны, – пояснил Ибрагим. – Они могут быть не опасны физически, но у них есть другие способы воздействия. Даже мне приходится всегда быть начеку, чтобы им не поддаться”.

Дальше начальник тюрьмы принялся описывать особенности новоприбывших, начиная с их странной одежды – большинство заключенных желали носить афганские рубахи поверх тюремной робы, потому что узкие тюремные штаны считали непристойными, – до их способности вербовать закоренелых преступников и даже тюремных служащих. В Сваке столь многие надзиратели подпали под их влияние, что тюремным чиновникам пришлось сократить смену до девяти минут в тех секторах, где можно было с ними столкнуться.

Уже в конце обхода полковник повторил свое предупреждение насчет заключенных. По его словам, один из них, явный лидер секты, обладал исключительной способностью подавлять чужую волю. Этот человек по имени Макдиси, весьма талантливый богослов и проповедник, умел заражать и совращать умы, словно мусульманский Распутин. “Он очень умен – ходячая библиотека знаний об исламе, – сказал Ибрагим. – Поймете, когда увидите его. Красивый тип, высокий, стройный, светло-каштановые волосы, синие глаза. Не дайте себя обмануть”.

Через несколько минут охранники уже вели Базиля ас-Сабху по тюрьме, мимо часовых и вооруженной охраны, в крыло, где содержались заключенные. Было темно, мутный свет едва пробивался сквозь решетчатую дверь. Подойдя ближе, молодой врач смог рассмотреть нары, а потом бросил первый, потрясший его взгляд на заключенных.

Сорок восемь обитателей камеры сидели, выпрямившись, на койках или на ковриках для молитвы; все смотрели в сторону двери с жадным вниманием, словно военные призывники в ожидании инспекции. На всех была одинаковая своеобразная униформа – свободного покроя балахоны поверх стандартных тюремных голубых рубашек и коротких штанов, как и говорил директор. Все они, казалось, не сводили глаз с фигуры у двери, и Сабха осторожно шагнул вперед, чтобы рассмотреть, кто там.

Ближе всего к двери находились двое. Первый – высокий, стройный, в учительских очках, спутанные светло-каштановые волосы выбиваются из-под молитвенной шапочки. Сабха предположил, что это и есть тот, кого полковник назвал Макдиси, – харизматичный лидер группы. Но вниманием сокамерников завладел, похоже, другой человек. Он был темнее и ниже ростом, крепко сбитый, с массивной шеей и мощными плечами борца. Сабха, стоявший теперь всего в пяти футах от него, заметил на правой руке мужчины необычный шрам: зазубренная рана поперек участка кожи, запачканного чернилами, – цвета старого синяка. Вокруг шрама плоть бугрилась стяжками и складками от непрофессионально наложенного шва.

Обладатель шрама какое-то время изучал ряды нар, после чего сосредоточил взгляд на посетителе. Непримечательное мясистое лицо с полными губами обрамляла жидкая борода. Но глаза были незабываемыми. Глубоко посаженные и почти черные в тусклом тюремном освещении, они отражали холодный ум, тревогу и пытливость, но в них не мелькало и тени эмоций. Ни приветливости, ни вражды – так змея изучает толстого мышонка, брошенного ей в террариум.

Наконец начальник тюрьмы заговорил. Он торопливо представил заключенным нового врача, а потом объявил о начале медицинского осмотра: “Все, кто жалуется на здоровье, могут сделать шаг вперед, и их проверят”.

Сабха отступил к двери, ожидая неизбежного наплыва. Он подготовился к этому моменту и принес запас таблеток и микстур для лечения высыпаний, небольших ран, аллергий и болей

в желудке, обычных для живущих в заключении людей. Но, к его удивлению, никто не шелохнулся. Заключенные ожидали знака мужчины со шрамом, который наконец обратил взгляд на сокамерника, сидевшего ближе всех к двери. Мужчина со шрамом легко кивнул; сидящий встал и, не издав ни звука, подошел к двери. Человек со шрамом кивнул второй раз, и третий, и один за другим заключенные выстроились в ряд перед врачом.

Вызваны были пять, всего пять человек; мужчина со шрамом при этом не произнес ни слова. Он повернулся к доктору – все с тем же пристальным взглядом рептилии, взглядом человека, обладавшего, даже в самой суровой тюрьме Иордании, абсолютной властью.

Сабха ощутил беспокойство, словно дрожь вскипела где-то в глубинах старой крепости. “Что же это за человек, – спрашивал он себя, – способный приказывать взглядом?”

В течение нескольких следующих дней доктор просматривал досье, чтобы понять, кто его новые пациенты и почему тюремные чиновники боятся их. Ядро группы, как он понял, состояло примерно из двух десятков мужчин, в прошлом членов радикальных исламских сект, распространившихся в Иордании в начале 1990-х. За исключением лидера, Абу Мухаммада альМакдиси, подстрекателя, известного многословными статьями, направленными против арабских государственных деятелей, их личные истории ничем не впечатляли. Иные были уличными бандитами, которые ударились в религию и обрели веру и цель в рядах фанатиков. Другие в восьмидесятые сражались в Афганистане в рядах арабских добровольцев против Советского союза. Вернувшись в безопасную, стабильную Иорданию, эти люди оказались втянутыми в группы, обещавшие возродить славу афганской кампании благодаря постоянной священной войне с врагами ислама.

Их джихад в Иордании был каким угодно, только не славным. Предводителей небольшой группы Макдиси арестовали еще до того, как они успели провести свою первую операцию – нападение на израильский пограничный пост. Другие мишени представляли собой мелкие символы западного разложения, от винных магазинов до видеосалонов и кинотеатров, где демонстрировались порнофильмы. Одна из первых попыток взорвать бомбу кончилась скандальным провалом: боевик, вызвавшийся пронести взрывное устройство в местный кинотеатр для взрослых под названием “Сальва”, прошел в зал, но настолько увлекся фильмом, что забыл про бомбу. Пока он сидел, не в силах оторваться от экрана, устройство взорвалось прямо под ним. Никто из кинозрителей не пострадал, зато террорист лишился обеих ног. Шесть лет спустя этот безногий оказался среди пациентов Сабхи в тюрьме Аль-Джафр. Врач заметил его в свой первый визит, сидящего – прислоненного к стене – на нарах, штанины аккуратно заколоты на коленях.

К этому моменту все провели в заключении по четыре года и больше. Но если власти полагали, что тюрьма сломает джихадистов и ослабит их мотивацию, то эта затея провалилась. Людей, сидевших в общих камерах, связывали друг с другом лишения и ежедневная борьба за то, чтобы оставаться религиозными пуристами среди наркоторговцев, воров и убийц. Они разделяли общий символ веры, аскетический вариант ислама, изобретенный Макдиси и укоренившийся в умах арестантов за бесконечные недели заключения. К тому же у них царила необыкновенная дисциплина. Группа действовала как военное подразделение: четкая иерархия и беспрекословное повиновение доверенному телохранителю Макдиси, человеку со шрамом и мощной грудью, который произвел на Сабху столь сильное впечатление во время первого посещения тюрьмы. Макдиси диктовал людям, что думать, а его номер два контролировал все остальное: как люди говорят и одеваются, какие книги читают и какие передачи смотрят по телевизору, принимают ли тюремные предписания или сопротивляются им, когда и как происходит их борьба. Настоящее имя этого человека было Ахмад Фадиль аль-Халайли, но он предпочитал называться аль-Гариб, или Странник, – псевдонимом, под которым он сражался в гражданской войне в Афганистане. Некоторые, однако, уже сейчас называли его “уроженец

Зарки”, сурового индустриального города в Северной Иордании, где он вырос. По-арабски это звучит как “аз-Заркави”.

Сабха имел возможность наблюдать обоих лидеров вблизи. Макдиси, насколько он видел, был мягким и покладистым, скорее благожелательный профессор, нежели оболститель-мистик. Без малого сорокалетний Макдиси производил впечатление интеллектуала, полтаввшего, что заслужил общество получше, чем пара десятков невежд, с которыми он делил камеру. Он не скупился на советы и от случая к случаю издавал фетвы, но предпочитал проводить время в одиноких занятиях, за написанием трактатов и чтением Корана. На печатной странице Макдиси был бесстрашен: в исламском мире он снискал славу как автор эпатажных книг с названиями вроде “Демократия – это религия”, в которых объявлял светские арабские режимы антиисламскими и призывал к их уничтожению. В итоге его работы завоевали среди исламистов такую популярность, что по результатам исследования 2006 года Пентагон объявил его крупнейшим из современных интеллектуалов-джихадистов.

Предыдущие исламские идеологи тоже обвиняли лидеров арабского мира в продажности и измене вере. Те же темы звучали у влиятельного египетского писателя Сейида Кутба, чьи работы вдохновляли основателей “Аль-Каиды”*. Но с точки зрения Макдиси каждый мусульманин, сталкиваясь со свидетельствами ереси на государственном уровне, обязан действовать. Истинно верующему недостаточно только изобличать коррумпированных правителей. Аллах требует безжалостно убивать их.

“Его радикальный вывод состоял в том, что руководители государств отпали от веры и мусульманам следует истреблять их, – говорил Хасан Абу Хание, иорданский писатель, интеллектуал, друживший с Макдиси в годы, когда идеи последнего начинали оформляться. – “Истреблять” было поворотной точкой. Это послание нашло отклик у мусульман, считавших, что правительства по глупости своей позволяют иностранцам оккупировать арабскую землю. Слова Макдиси не только придавали законную силу воззрениям этих людей, но и убеждали, что они обязаны действовать активно”.

Довольно странно, что человек, который столь открыто призывал противостоять врагам ислама, сам скромно устранился от конфликтов. По наблюдениям Сабхи, когда тюрьму посещали следователи и агенты разведки, Макдиси вежливо приветствовал их, спрашивал, благополучны ли их семьи, чем приводил в смятение своих товарищей, пострадавших от рук посетителей. Он мог терпеливо объяснять надзирателям и тюремным служащим, почему они и их правительство – еретики, подкрепляя свои аргументы цитатами из Корана. Однако, сталкиваясь с вызовом, он часто отступал, признавая допустимость и менее строгих интерпретаций священных текстов.

“Можно быть членом парламента и все же оставаться хорошим мусульманином”, – сказал он однажды Сабхе, предлагая нюанс, который, казалось, противоречил его главному тезису о том, что нетеократическое правительство есть зло. – Если кого-то избрали потому, что он хочет служить людям, то это хороший мусульманин. Но если этот человек верит в демократию, верит в законы, созданные людьми, то он неверный”.

Макдиси, кажется, нравился этот молодой врач, который хоть и относился к светскому миру, был все же единственным в Аль-Джафре человеком с ученой степенью. Поворотной точкой в их отношениях стал день, когда во время посещения затерянной в пустыне тюрьмы заболела младшая жена Макдиси. Женщина страдала от обильных месячных, и Сабха принял ее в своей частной клинике в городке. Жест могли счесть оскорбительным – многие ультраконсервативные мусульмане не позволяли своим женам ходить на осмотр к врачам-мужчинам, – но Макдиси, кажется, был искренне благодарен. С тех пор доктора в тюремной камере встречали широкими улыбками.

Но вежливость и интеллект – неважное оружие, если надо подчинить себе людей в месте, подобном Аль-Джафру. Макдиси нуждался в телохранителе. В лице Заркави он обрел без-

упречного помощника – человека, поразительным образом сочетавшего рабскую преданность с абсолютной беспощадностью. “Он очень жесткий, – с восхищением говорил Макдиси о своем номере два, – и он иорданец до мозга костей, человек своего племени”.

Едва ли можно было представить себе двух людей, настолько непохожих друг на друга. Заркави был неспособен ни к теплоте, ни к оттенкам чувства. Человек со шрамом никогда не улыбался. Он не отвечал на приветствия тюремных служащих, не вовлекался в их болтовню. Если он и открывал рот, то изъяснялся на жаргоне отчисленного из средней школы подростка, росшего драчуном и мелким уголовником в одном из самых суровых районов Зарки. Со своей грубостью и отказом подчиняться общепринятым правилам он еще с детства прослыл антиобщественным элементом. Эти же его особенности помогли отполировать легенду, которая уже начинала бронзоветь вокруг Заркави на тридцать третьем году его жизни.

Макдиси предпочитал тонкий мир книг и идей, а Заркави был чисто физическим существом, с крепкими мускулами, которые он все больше накачивал, поднимая тяжести – ведра с камнями вместо гирь. Передаваемые шепотом истории о его криминальном прошлом – поножовщина и избиения, сутенерство и наркоторговля – делали его в глазах других опасным и непредсказуемым, способным на все.

Заркави смело, даже безрассудно, дрался в Афганистане, и репутация импульсивно жестокого человека последовала за ним в тюрьму. Он в открытую не повиновался властям в своих первых тюрьмах, он был жесток и унижал перечивших ему сокамерников, когда кулаками или примитивным оружием, а когда, как настойчиво утверждали слухи, и сексуально. Однажды в припадке гнева он схватил надзирателя за воротник форменной рубашки и подвесил его на крюк для одежды. В другой раз Заркави поднял товарищей на бунт; заключенные были вооружены примитивными дубинками и ножами, изготовленными из каркасов коек. “Мы пришли умирать!” – кричали они, и так бы оно и было, если бы не своевременное вмешательство директора тюрьмы, который согласился выполнить требования джихадистов.

Под опекой Макдиси Заркави прекратил наскакивать на окружающих, но его кипучая энергия просто приняла другую форму. Он начал учить наизусть Коран, проводя часы за чтением или уставившись пустым взглядом в книгу, раскрытую у него на коленях. Его абстрактный гнев обрел фокус: лютая, безоглядная ненависть к предполагаемым врагам Аллаха. Список врагов начинался с короля Иордании Хусейна, которого Заркави считал незаконным правителем искусственно созданной страны, ответственным за чудовищное преступление – заключение мира с Израилем. Список также включал прислужников режима: охранников, солдат, политиков, чиновников и бесконечное число всех, кто имел выгоду от текущего положения дел. Даже сокамерников он объявил *кяфирами*, или неверными. Для мусульман это слово не просто эпитет; будучи использованным в фетве, оно подразумевает, что человек лишился защиты исламского закона и может быть убит безнаказанно. В пределах тюрьмы охранники начали относиться к Заркави и его ближайшим последователям как к *такфиристам* – “отлучателям”.

Одновременно Заркави начал укреплять свои позиции как блюститель суровых порядков среди заключенных исламистов. Он требовал абсолютного повиновения и устраивал разнос тем, кто пропускал молитву или смотрел по телевизору новости, где дикторами были женщины без чадры. Несмотря на жестокое обращение с сокамерниками, Заркави завоевал их восхищение своим демонстративно бесстрашным неповиновением тюремному начальству. Когда в Аль-Джафр приезжали высокопоставленные чиновники, Заркави часто отказывался даже отвечать на их приветствия. И приказывал своим людям делать то же самое.

Однажды, когда Иордания согласилась допустить в свои тюрьмы инспекторов из Комиссии по правам человека, в АльДжафр прибыл высокий чин из министерства внутренних дел – проверить условия содержания и упросить заключенных не сообщать иностранцам ничего, что могло бы отрицательно повлиять на репутацию властей. Исламисты отказались отвечать на его вопросы и даже смотреть на него.

Выведенный из себя чиновник сначала распекал их, потом попытался задобрить, пообещав возможное сокращение сроков.

– Тех, кто согласится, король Хусейн простит! – объявил он.

Заркави внезапно встал и наставил палец на чиновника, всего в нескольких дюймах от его носа.

– Не король Хусейн господин нам! – оскалился он. – Наш господин – Аллах всемогущий! Чиновник потерял терпение.

– Клянусь богом, вы не выйдете отсюда! – закричал он. – Останетесь в тюрьме!

– Волей Аллаха, выйдем, – холодно ответил Заркави. – И если будет угодно Всемогущему – при помощи силы.

Была у Заркави и другая сторона. Сабха иногда видел ее во время своих визитов в тюрьму. Она категорически не вязалась с обычным поведением Заркави, словно тот страдал раздвоением личности.

Каждый обитатель Аль-Джафра знал, что Заркави преклонялся перед своей матерью, во время визитов которой словно становился маленьким мальчиком. Заркави по несколько дней готовился к ее приезду, отстирывая одежду в корыте и вычищая свой угол камеры. Некоторые заключенные знали о его полных любви письмах ей и сестрам. О своей жене Интисар и о двух маленьких детях Заркави практически не упоминал. Но матери и сестрам обильно изливал чувства в записках, украшенных стихами и нарисованными от руки на полях цветами.

“О сестра, сколько же ты страдала, когда меня бросили в тюрьму за веру мою”, – писал он Умм-Кадаме в записке, старательно нацарапанной синими и красными чернилами. Записку он завершил стихами:

Тебе, сестра, я написал письмо,
Составленное из желаний моей души.
Первое, о чем пишу, – огонь моего сердца,
А второе – мои любовь и тоска.

Также чрезмерного внимания Заркави удостоивались больные и раненые среди его людей. Когда кто-нибудь из исламистов заболел, Заркави принимался героически ухаживать за ним, отдавая собственные одеяла и еду, чтобы обеспечить больному комфорт. Он насаждал на Сабху и второго тюремного врача и угрожал им, если считал, что его людям недодают положенного. “Где обещанные вот этому человеку лекарства?” – вопрошал он, по воспоминаниям Сабхи. Однажды, когда одного из заключенных отвезли из Аль-Джафра в больницу, он места себе не находил, словно тревожный родитель. Весь тот день он изводил Сабху, требуя новостей о состоянии больного.

Особенно поражала Сабху нежность, которую Заркави проявлял к самому уязвимому из заключенных – безногому Иду Джахалину, неудачливому террористу, провалившему подрыв порнографического кинотеатра. Джахалин, не только искалеченный физически, но и страдавший от душевного расстройства, всегда спал на нарах с другими заключенными-исламистами, несмотря на крайнее неудобство. Заркави назначил себя его слугой и помогал ему мыться, менять одежду и есть. Чаще всего он просто брал безногого на руки и нес в туалет. Сабха подозревал, что этот ежедневный ритуал продиктован не только искренним сочувствием к товарищу, но и своеобразным чувством приличия, свойственным Заркави. По строгому моральному кодексу исламистов демонстрировать обнаженное тело есть оскорбление и грех.

Явившись однажды вечером в тюрьму, Сабха стал свидетелем нервного срыва у Джахалина. Такие припадки, требовавшие лечения нейролептиками, время от времени у него случались. Сабха схватил шприц, приготовился сделать укол – и тут Заркави заступил ему дорогу.

Не говоря ни слова, Заркави снял одеяло с соседней койки и обернул его вокруг нижней части тела Джахалина. Придерживая одеяло одной рукой, другой он потянул эластичный пояс на штанах больного, открывая узкий участок кожи. Потом сделал знак врачу и велел: “Убедитесь, что колоть надо сюда”. Сабха сквозь одежду нащупал тазовую кость Джахалина и, удовлетворившись этим, ввел иглу в бледную плоть. Когда Джахалин затих после укола, Сабха поднял глаза – и увидел, что Заркави смотрит на него благосклонно. Что-то изменилось в этом взгляде рептилии, появилось выражение, которого доктор до сих пор не замечал. Похожее на взвесь из частиц улыбки.

Зима 1998 года принесла минусовую температуру и множество новоприбывших: чиновники решили разгрузить другие тюрьмы. Исламисты держались вместе, как раньше, но между ними уже пошли едва заметные трещины. Кое-кто из джихадистов открыто полагал, что лидером должен стать Заркави, заменив Макдиси, чьи профессорские манеры начинали раздражать некоторых членов группы.

Заркави не предпринимал никаких шагов против своего наставника, но настроения многих заключенных были вполне ясными. Исключенные из средней школы мелкие уголовники, составлявшие большинство группы, не воспринимали изощренных богословских тезисов Макдиси. Эти люди предпочитали вожака с крутым нравом, задиру, который выражается просто и ясно и отказывается идти на компромиссы, – кого-нибудь вроде Заркави. Макдиси, по его собственному признанию, не был воином. Живя в арабском тренировочном лагере в Афганистане, он не стал даже учиться обращению с оружием. “Он не был бойцом, ни дня не прожил среди пуль, снарядов и танков!” – объяснял впоследствии один из афганских ветеранов.

Заркави явно нравилось командовать, и с благословения наставника он постепенно входил в роль предводителя, оставляя Макдиси вопросы духовные. В первый раз важные люди за пределами тюрьмы слышали его имя. У Макдиси было много почитателей среди исламистов от Лондона до палестинских городов Западного берега, и иные обладали ресурсами и широкими связями по всему Ближнему Востоку, Северной Африке и в Европе. Теперь они узнавали от Макдиси о его достойном похвал помощнике – афганском ветеране исключительной отваги и со свойствами прирожденного лидера.

Сабха между тем отмечал, что все чаще работает с Заркави и их общение становится все более дружелюбным, если не сказать – теплым.

Однажды вечером, когда Сабха совершал обход, Заркави отвел доктора в сторону, чтобы задать вопрос. В первый раз этот человек спрашивал о чем-то, что касалось его самого.

– Мне кажется, у меня высокий сахар, – начал Заркави. – У моей матери диабет, так что это, может быть, семейное. Можете проверить?

Сабха сказал, что рад оказать услугу, но есть сложности. Делать анализ в тюрьме нельзя – слишком велик риск занести инфекцию, если брать кровь в грязных, кишасших крысами камерах Аль-Джафра, так что Заркави надо будет перевезти в собственную клинику доктора в городке.

В этом состояла вторая сложность: получить официальное подтверждение, разрешающее такому опасному заключенному покинуть Аль-Джафр. Как и ожидалось, директор тюрьмы решительно воспротивился затее. Что, если это просто хитрость, чтобы помочь Заркави бежать? Что, если в городе его поджидают сообщники? Но в конце концов Ибрагим уступил, и в тюрьме стали готовиться к доставке заключенного в городскую клинику и обратно под охраной.

В день, назначенный для анализа, Сабха решил дожидаться пациента в городской клинике. Уже давно стемнело, когда прибыл конвой из десяти автомобилей, укомплектованный несколькими десятками охранников со штурмовыми винтовками. Сабха никогда еще не видел такого серьезного военного эскорта; сначала он даже решил, что в городок пожаловал кто-

то из королевской семьи. Однако из фургона неловко шагнул один-единственный заключенный – и тут же снова исчез в шевелящемся коконе из вооруженных людей.

Заркави в тюремной одежде провели в кабинет врача; наручники с него так и не сняли.

– Пожалуйста, снимите это, – велел Сабха, жестом указывая на металлические браслеты.

– Но этот человек опасен, – запротестовал один из охранников.

– Пятьдесят ваших солдат наблюдают за каждым его движением, – ответил врач. – Я настаиваю на том, чтобы снять наручники.

Освободив руки Заркави, Сабха приступил к взятию проб. Он начал было закатывать рукав тюремной рубахи, чтобы взять образец крови, но его снова прервали, на этот раз сам Заркави.

Заключенный извинился и опустил рукав, как было до того, как его коснулся врач. Потом закатал сам, без посторонней помощи. Коснувшись обнаженной плоти, Сабха допустил оплошность с еще одним не поддающимся расшифровке кодом.

Пока кровь шла в шприц, Сабха набрался смелости поинтересоваться наконец происхождением загадочного шрама на руке Заркави.

– Это татуировка. Якорь, – ответил тот.

– Откуда?

Заркави принялся рассказывать, как сделал эту татуировку в шестнадцать лет, когда, как он выразился, “мыслил не по-исламски”. После того как он присоединился к джихадистскому движению, татуировка стала позорить его. Он пытался свести ее так и эдак, даже отбеливающим средством. Кожа сердито краснела, но татуировка не поддавалась.

Наконец он обратился к одному из своих родственников из Зарки, и тот явился в тюрьму, незаметно пронеся в одежде бритву. Заркави сел, и родич сделал два дугообразных надреза вокруг татуировки. Потом срезал верхние слои кожи. Когда татуировка почти сошла, он зашил рану грубыми стежками.

На лице Сабхи, слушавшего эту историю, отразился ужас, но Заркави только пожал плечами, словно отрезать оскорбительную плоть было столь же естественно, как раздавить таракана. Так требовал ислам – в том виде, в каком исповедовал его Заркави. Это не обсуждалось. Остальное было просто актом воли.

– Татуировки, – бесстрастно объяснил Заркави, – это *харам*. Запрещено.

Сабха закончил обследование, и Заркави, у которого не оказалось никаких признаков заболевания, вернулся со своим конвоем в тюрьму. Доктор остался размышлять в своей маленькой клинике у дороги, на краю мертвого озера, крошечного по сравнению с простершейся за ним бескрайней арабской пустыней.

Семьдесят лет назад по этой дороге шла на север исламская армия, верхом на лошадях и верблюдах, намереваясь во имя Аллаха смести с лица земли страну, известную как Иордания. Этих бедуинских разбойников, называвших себя ихванами, или “братьями”, вооружил и обучил первый монарх Саудовской Аравии, Ибн Сауд, чтобы они помогли ему разгромить политических конкурентов. Но амбиции ихванов простирались за пределы Аравийского полуострова. Кровожадные фанатики, полагавшие все западное делом рук дьявола, они считали, что Аллах избрал их, чтобы очистить арабские земли, безжалостно убивая всех, кто объединялся с иностранцами или отклонялся от их узкого видения ислама. Смерчем пройдя по внутренним районам страны, они в начале 1920-х прогремели по недавно образованным Иордании и Ираку, намереваясь свергнуть правительства и создать единую исламскую теократию, или халифат, объединив весь Ближний Восток. Они огнем и мечом прокладывали себе путь через города, стоявшие у них на пути, и перерезали глотки всем мужчинам, уничтожая любые следы современной западной цивилизации.

Несмотря на тщетные попытки контроля со стороны саудовской монархии, армия ихванов, около полутора тысяч человек, продвинулась так, что до Аммана, столицы Иордании, оста-

валось меньше десяти миль, и только там их наконец остановили. С британских военных самолетов приближающиеся колонны косили из пулеметов до тех пор, пока в живых не осталась всего сотня бойцов.

Небольшие банды боевиков продолжали контролировать отдельные внутренние части Саудовской Аравии вплоть до пятидесятых, запугивая, а иногда и убивая чужаков, бродивших возле их поселений. Наконец они исчезли, но яростная ненависть, воодушевлявшая их вон, так никуда и не делась. Бескомпромиссная нетерпимость, жестокая, не знающая жалости форма ислама, уподобляющая насилие очистительному огню, – все это вплоть до конца двадцатого века, да и после, останется востребованным на обширной территории: от изолированных поселений в глубине полуострова до богатых нефтяных городов на побережье залива, от обветренных холмов Восточного Афганистана до переполненных камер печально знаменитой иорданской тюрьмы.

В Аль-Джафре заразу удерживали мощные тюремные стены – во всяком случае, какое-то время. По приговору амманского суда срок заключения Заркави должен был продлиться еще десять лет, до 2009 года, когда мускулистый, цветущий молодой мужчина превратился бы в человека средних лет. Однако Сабха отлично знал, что реальные тюремные сроки в Иордании редко соответствовали предписанным. Срок заключения мог значительно сократиться из-за перемен в правительстве или из-за необходимости уместить религиозную партию или племя. И тогда Заркави (возможно, вместе с армией последователей) мог внезапно оказаться на свободе.

Глава 2

“Настоящий лидер”

За две недели до смерти – в период покоя, пока не пошли прощания на смертном одре, легионы скорбящих и речи, в которых лидеры мировых держав отдавали дань самому великому и дольше всех прослужившему на своем посту правителю Иордании, – король Хусейн призвал во дворец старшего сына Абдаллу. Он намеревался сообщить сыну решение, которому суждено было полностью изменить и жизнь молодого человека, и судьбу его страны.

Незадолго до этого король вернулся из Соединенных Штатов, где полгода лечился от агрессивной лимфомы. Однако болезнь вернулась в особо тяжелой форме, и врачи предупредили, что дни монарха сочтены. 22 января 1999 года он позвонил Абдалле, в то время тридцатилетнему офицеру на пике военной карьеры, и попросил приехать немедленно. “Я хочу видеть тебя”, – сказал он.

Абдалла ибн Хусейн сел в машину и поехал по крутой дороге к дворцу на холме в пригороде Уммар, откуда открываются изумительные виды на столицу. Короля он нашел в столовой; болезненный вид его величества возбуждал тревогу. Шестидесятитрехлетний король стал костлявым, как скелет, кожа приобрела землистый оттенок от разлития желчи. Седые волосы и борода, раньше придававшие ему сходство с актером Шоном Коннери, давно выпали от тяжелой химиотерапии.

Король отпустил помощников и закрыл дверь. Потом повернулся к Абдалле; бледные пальцы стиснули руку сына. “Я хочу сделать тебя наследником престола”, – объявил Хусейн.

Эти слова казались совершенно необъяснимыми. Титул наследного принца уже больше тридцати лет принадлежал Хасану, младшему брату короля. Хасан, искушенный и компетентный, был наследником трона, еще когда Абдалла только учился ходить. Повзрослев, старший сын короля – атлетически сложенный, с мальчишески открытым лицом – стал водить танки и вертолеты, прыгать с парашютом. Он не проявлял особого интереса к политике и дворцовым интригам, предпочитая более честную армейскую иерархию. А теперь отец вознамерился навязать ему работу, чреватую множеством опасностей, в числе коих и вполне реальная перспектива конфликта с теми членами семьи, кто годами ждал шанса управлять страной.

Годы спустя Абдалла вспоминал свой вопрос: “А как же дядя?”

Но король уже принял решение. Через несколько дней он объявит о нем публично, в форме открытого письма Хасану, туманно намекая на свое недовольство жадными “честолюбцами” из королевской семьи, “назойливыми” и “нелояльными”. После смерти короля, говорилось в письме, корона должна перейти к его сыну – в данном случае к единственному среди братьев, племянников и одиннадцати детей монарха, кто не стремился занять престол.

Абдалла был рожден наследным принцем. По конституции Иордании, а также в соответствии с многовековой традицией династии Хашимитов, титул автоматически принадлежал старшему ребенку мужского пола. Но в бурные шестидесятые, когда над страной сгустились тучи, когда монарх постоянно находился под угрозой убийства или дворцового переворота, Хусейн сделал наследником своего брата, чтобы в случае своей смерти обеспечить стабильность. Удаленный из линии наследования, Абдалла большую часть молодости провел вне Иордании. Он учился в американских и британских частных школах и университетах, которые дали ему западное образование – но не знания о том, как обстоят дела в его собственной стране.

Вернувшись домой, Абдалла погрузился в культуру иорданского низшего и среднего класса, избрав карьеру военного и деля нечистые бараки и покрытые пылью сухие пайки с другими офицерами. Он дослужился до звания генерал-майора, но сохранил свойственную ему в молодости страсть к спортивным машинам и мотоциклам. Особое удовольствие он получал, когда лично руководил спецназом во время ареста террористов или уголовников, и просла-

вился за год до описываемых событий: его бойцы тогда штурмом взяли укрытие бандитов. Иорданское телевидение передавало уличный бой в прямом эфире.

Но сейчас молодой командир сидел в обеденном зале дворца в Уммаре; он был ошеломлен. Одной фразой отец положил конец его миру и устоявшейся, хотя и привилегированной жизни, которую он построил для себя, своей жены и двоих детей.

Король также признался в том, о чем никогда не говорил вслух: что он скоро умрет.

“У меня засосало под ложечкой, – будет потом вспоминать Абдалла. – Кажется, я тогда впервые почувствовал себя по-настоящему одиноким”.

Он покинул дворец и вернулся домой; его жена Рания сидела на полу гостиной, вокруг нее были разбросаны семейные фотографии. Ее глаза наполнились слезами, когда муж поделился с ней новостью. Рания сознавала, что их ожидают радикальные перемены.

“Вскоре нам предстояло оказаться под светом прожекторов – никто из нас и вообразить такого не мог, – писал он позже в своих воспоминаниях. – Целая стая волков только и ждала, чтобы мы оступились”.

Но все эти тревоги вскоре заслонились более насущными проблемами. Король Хусейн решил попробовать еще один курс лечения от рака, что означало покинуть Иорданию и отправиться в США для очередной пересадки костного мозга. На время его отсутствия Абдалла фактически остался в роли регента и, несмотря на ограниченный опыт, с головой погрузился в проблемы внутренней и внешней политики. Он еще не знал, что в список срочных государственных дел вскоре войдут приготовления к торжественным похоронам и его собственная официальная коронация.

Двадцать девятого января Абдалла отвез отца в аэропорт, откуда тот улетал в клинику Майо в Миннесоте. Король сидел на переднем пассажирском сиденье и спокойно смотрел в окно, пока машина ехала через благополучные западные районы Аммана – высотные отели и деловые центры, – а потом по шоссе, ведущему в аэропорт. Они проезжали окраины и поселки победнее, с их уличными базарами и маленькими, в неоновых огнях, мечетями. Потом, прибавив скорость, проскочили открытое пространство, мимо крутых холмов и каменистых полей, где овцы и бедуинские шатры соперничали со спутниковыми тарелками и грузовыми пикапами “тойота”. Абдалла положил ладонь на руку отца и не убирал, пока они в молчании продолжали путь.

Проводы проходили гладко до тех пор, пока оба не оказались у самолета, где Абдалла, уверенный, что видит отца в последний раз, на минуту потерял железное самообладание, которое поклялся себе сохранять. С трудом сдерживая слезы, он помог отцу подняться в самолет и остановился рядом с ним, чтобы попрощаться. Король пристально смотрел на сына, он тоже явно боролся с чувствами, вспоминал потом Абдалла. Однако Хусейн не обнял его, не дал ему никакого прощального напутствия – просто кивнул и дальше пошел по проходу один.

Через несколько минут наследный принц уже возвращался в Амман, во дворец, к ожидавшим его обязанностям. Ему не суждено было больше увидеть отца в сознании. Король вернулся в страну, которой правил почти полвека. Не было вспышек телекамер, когда его, умирающего, на носилках спустили из самолета и подкатали к ожидавшей “скорой помощи”. Машина увезла его в Королевский медицинский центр в Аммане, возле которого тысячи простых иорданцев стояли под холодным дождем, отказываясь уходить. Незадолго до полудня 7 февраля 1999 года телекомпания по всей стране внезапно прекратили вещание.

Последние часы Абдалла провел у больничной постели, чувствуя себя еще более одиноким из-за невозможности помочь отцу или попросить хоть слово совета, как управлять страной, которая, казалось, пребывала в постоянном кризисе, осажденная врагами изнутри и снаружи.

Со времен основания страны иорданцы не видели события столь величественного, как похороны короля Хусейна ибн Талала. Такие толпы не собирались еще никогда. Простые иорданцы – примерно восемьсот тысяч человек, почти четверть населения страны – забили все обочины, свешивались из окон и с крыш по пути, по которому следовал покрытый флагом гроб. Они часами стояли, закутавшись, чтобы спастись от сырой стужи; все эти люди хотели воздать почести единственному на веку большинства из них правителю: улыбчивому монарху, завоевавшему сердца простых людей, который провел Иорданию через войны и междоусобицы – и уже в конце своего правления вывел к миру. Мужчины и женщины рыдали; иные вопили и били себя по лицу, выражая свою скорбь по арабской традиции. Другие бежали рядом с похоронным кортежем и даже бросались в припадке горя на дорогу перед ним.

Почти столь же впечатляющим было собрание высоких гостей в амманском дворце Рагадан. Спустя меньше суток после смерти короля под белокаменной аркой дворца прошли высочайшие представители семидесяти пяти стран, прибывшие на церемонию, которую комментаторы уже окрестили “похоронами двадцатого века”. Среди приехавших были четыре президента США, включая нынешнего обитателя Белого дома, Билла Клинтона, который перед посадкой на “Борт номер один” задержался, чтобы отозваться о Хусейне как о “великом человеке”, чье величие заключалось “не в титуле, но в самой личности”. Принц Чарльз и премьер-министр Великобритании Тони Блэр примчались в Амман, так же как генеральный секретарь ООН Кофи Аннан и главы Японии, Франции, Германии и других крупных европейских держав. Президент России Борис Ельцин, бледный и рассеянный, прибыл с целым отрядом телохранителей, однако через несколько минут уехал, сославшись на плохое самочувствие.

Больше всего взглядов притягивали гости с Ближнего Востока. Неожиданностью стало появление среди них сирийского президента Хафеза аль-Асада, который долгие годы был заклятым врагом Хусейна, воевал с соседом через общую границу и постоянно пытался навредить его правительству. И вот сейчас этот стареющий диктатор смешался с другими сильными мира сего, в разное время воевавшими с Иорданией, с Сирией или с ними обеими. Израильский премьер-министр Беньямин Нетаньяху, в традиционном молебном головном уборе на седеющих кудрях, занял угол увенчанного куполом зала приемов вместе со свитой, включавшей генералов, телохранителей и бородатого раввина. Ясир Арафат из Организации освобождения Палестины, и так-то невысокий, а в слишком просторной для него шинели казавшийся почти карликом, болтал с президентом Египта Хосни Мубараком. Самым, наверное, беспокойным человеком здесь был Халед Машаль, лидер палестинской военной организации “Хамас” и постоянный объект израильских покушений. Два года назад агенты израильского Моссада ткнули его отравленной иглой на улице Аммана в нескольких милях от места, где он находился сейчас. Он выжил только благодаря Хусейну – разгневанный король настоял, чтобы израильтяне предоставили его врачам противоядие.

Приветствовал их всех человек, которому, казалось, было слегка неуютно в черном костюме и куфии в красную клетку, – человек, которого гости теперь именovali королем Абдаллой II. Новый монарх стоял у гроба, в ряду хозяев и гостей из королевской фамилии, среди братьев и дядьев, пожимая руки президентам и министрам, из которых он мало кого знал. Он еще не стал королем официально – формальная коронация должна была начаться в парламенте позже в тот же день. После смерти Хусейна он несколько раз недолго выступал на иорданском телевидении, чтобы обозначить перемены в жизни нации. Когда он появился перед камерой, читая по бумажке, а его отец с портрета улыбался из-за его плеча, большинство иорданцев в первый раз услышали его голос. “Таково было решение Господа и Его воля”, – сказал Абдалла.

Сейчас он возглавлял колонну скорбящих, идя за гробом отца к королевской усыпальнице; рядом шли его дядья и братья, позади ступал под пустым седлом последний любимец

короля – белый жеребец Амр. У могилы, рядом с участками первых двух королей Иордании, тело Хусейна вынули из гроба и опустили в землю, покрытое лишь простым белым саваном.

После этого оставалась только официальная церемония коронации перед обеими палатами парламента. После принесения конституционной присяги председатель сената представил нового владыку страны. “Пусть хранит Аллах его величество короля Абдаллу и дарует ему удачу”, – произнес он.

Это было официально, но еще не вполне по-настоящему. Когда новый король покидал церемонию, слова помощника “Сюда, ваше величество” застали его врасплох. “Еще не привыкший, я оглянулся, ища отца”, – вспоминал потом Абдалла.

Но титул теперь принадлежал ему – так же, как и страна. Абдалле достались клонящаяся к упадку экономика, беспокойная политическая жизнь, напряженные межконфессиональные отношения и региональные конфликты.

Одним разом он унаследовал легионы врагов. Иные находились близко и завидовали его должности. Другие – иностранные державы – видели в независимой Иордании помеху собственным планам на Ближний Восток. Третьи – религиозные экстремисты – противились самой идее о существовании секулярного, прозападного государства под названием Иордания. В первые месяцы 1999 года, пока новый наследник престола Хашимитов осторожно устраивался на троне, все внимательно наблюдали, не упадет ли он.

Быть правителем ближневосточной страны означает не надеяться умереть в преклонном возрасте. Это особенно верно для Иордании, где исключительная опасность основной работы словно бы разжигает королевский аппетит к опасным хобби.

Хусейн за свою жизнь пережил не меньше восемнадцати покушений. Ему было всего пятнадцать тем летним днем в 1951 году, когда его деда, первого короля Иордании Абдаллу I, застрелил палестинский снайпер во время визита двух членов королевской фамилии в иерусалимскую мечеть Аль-Акса. Молодой принц бросился за убийцей, едва избежав смерти сам: убийца обернулся, и пуля отклонилась, ударив в медаль на военной форме принца, – такова была дворцовая версия сюжета. Позже враги короля испробуют засады, авиакатастрофы и даже отравленные капли от насморка – Хусейн тогда случайно нажал на дозатор в ванной и в ужасе увидел, как вспенившаяся жидкость проедает хромированную поверхность крана. Король избегал смерти столько раз, что обрел ауру неуязвимости. Иорданцы часто говорили, что на нем *барака* – милость Аллаха. Предположение, что один из его сыновей будет благословен в той же степени, выглядело маловероятным.

Хусейн не позволял, чтобы покушения как-то ограничивали его. Скорее они лишь разожгли страсть короля к рискованному времяпрепровождению: гоночным машинам, вертолетам, реактивным истребителям. Однажды – это известная история, – развлекая Генри Киссинджера, он пригласил бывшего госсекретаря США и его жену на выматывающую душу вертолетную экскурсию по окрестностям. Вертолет трещал прямо над иорданскими холмами и едва не сбил своими шасси верхушки пальм. Киссинджер будет потом вспоминать, как его жена пыталась вежливо попросить короля подняться на безопасную высоту. “Я и не знала, что вертолеты могут летать так низко”, – заметила она. “О! Они могут летать еще ниже!” – ответил король. Он опустил машину ниже уровня древесных верхушек и плавно заскользил над землей. “За тот полет я постарел на несколько лет”, – говорил Киссинджер.

Назначив своим преемником Абдаллу, Хусейн выбрал правителя, похожего на него как минимум в одном. В противовес рассудительному и осторожному принцу Хасану, брату короля, Абдалла разделял отцовскую неформальную манеру держаться и пристрастие к экстремальным увлечениям. Мальчиком Абдалла визжал от удовольствия, когда отец сажал его на колени и они отправлялись в пустыню погонять на родстере; клубилась пыль, машина неслась по пустому шоссе под звуки песенки из мультфильма про морячка Полая. Адреналиновая

зависимость обусловила непреходящий интерес Абдаллы к мотоциклам, гоночным машинам, самолетам и затяжным прыжкам с парашютом.

Учась в частной американской школе, Абдалла превосходил всех в реслинге, на беговой дорожке и в мальчишеских шалостях, а будучи кадетом престижной британской академии Сандхерст, отверг звание пехотного офицера, предпочтя скорость и огневую мощь боевых танков. Ему нравилось водить “Фокс”, быструю, похожую на танк бронированную машину с тридцатимиллиметровой пушкой и колесами вместо гусениц. Однажды он вел колонну “Фоксов” по шоссе М-4 к западу от Лондона, выжимая все лошадиные силы из приземистых машин, пока те не понеслись вровень с гражданскими автомобилями. Через несколько минут, пройденных на всех парах, он выглянул из башни – и увидел рядом с собой полицейский перехватчик с включенными мигалками. Полицейский сделал колонне знак остановиться, после чего, качая головой, приблизился к Абдалле, сидевшему в головной машине. “Я даже не знаю, что писать в протоколе”, – сказал он. В конце концов кадетов отпустили, сделав им предупреждение.

Репутация сорвиголовы едва не сорвала принцу ухаживания за будущей королевой, Ранией аль-Ясин, еще до того как они начались. Элегантной красавице Рании было двадцать два года, она работала в отделе маркетинга в *Apple Inc.*; Абдалла встретил ее на званом ужине. Принц был сражен мгновенно, однако Рания отвергала все его поползновения. Тридцатидвухлетний, вечно загорелый дочерна Абдалла, в то время командир танкового батальона, слыл еще и донжуаном, а Рании, дочери палестинцев из среднего класса, не хотелось становиться его очередным трофеем, признавался Абдалла в своих мемуарах несколько лет спустя. “Я о вас кое-что слышала”, – заметила Рания. “Я не ангел, – честно ответил Абдалла. – Но как минимум половина того, что вы слышали, – досужие сплетни”.

Они все же договорились о встрече. Через шесть месяцев, набравшись смелости предложить руку и сердце, Абдалла увез Ранию в один из своих любимых уголков Иордании, на вершину невысокой горы, где они с отцом часто гоняли наперегонки по склонам. “Я надеялся на более романтическое предложение”, – признавался он потом. На этот раз Рания не оттолкнула его. Они поженились 10 июня 1993 года, всего через десять месяцев после того, как их представили друг другу.

Однако уже через несколько недель после того, как Абдалла стал королем Абдаллой II, все следы дерзкого батальонного командира и адреналинового наркомана испарились. Человек, сотни раз прыгавший с парашютом, быстро принялся сокращать риски – во всяком случае, те, что угрожали ему как монарху. Он постарался наладить порванные ранее отношения с членами королевской семьи, предложив титул кронпринца своему младшему брату Хашиму, сыну четвертой жены Хусейна, любимой в народе королевы Нур, американки по происхождению. Однако он уволил или сместил с должности руководителей охранных служб, которых подозревал в тесных связях со своим дядей, мачехой или другими членами семьи. Потом объявил, что королевой станет его собственная жена, определенно не королевского происхождения. После этого королева Нур навсегда покинула Иорданию.

Другие опасности грозили из-за границы, и новый король развернул дипломатическое наступление, нацелившись на самые существенные. Он отправился в Саудовскую Аравию и другие эмираты Залива, чтобы положить конец почти десятилетней размолвке по поводу иорданской политики нейтралитета во время первой иракской войны. Он пригласил премьер-министра Израиля, печально известного своей неуступчивостью Нетаньяху, в Амман, на деловой обед-знакомство. Абдалла даже пытался улучшить отношения с Сирией, дотянулся сначала до президента Хафеза аль-Асада, а потом, после смерти диктатора, подружился с его сыном, Башаром аль-Асадом, еще одним получившим западное образование тридцатилетним властителем, который унаследовал отцовский титул совершенно неожиданно для всех.

А потом настало время заключить мир с исламистами. Или хотя бы с кем-то из них.

Стремясь сохранить стабильность в стране, король Иордании давно поддерживал непростой союз с религиозными фундаменталистами, позволяя им голосовать в парламенте, и продвигал реформы с осторожностью, чтобы не оскорбить консервативное, по сути своей еще племенное общество. Король Хусейн полагался на исламских имамов в шестидесятые – семидесятые годы, рассчитывая, что они помогут ему победить угрозу со стороны марксистов и панарабских националистов. Многие из этих клерикалов пришли в ярость, когда Хусейн в 1994 году заключил мир с Израилем, и все же королю удалось сохранить хорошие отношения с наиболее заметной исламистской группой Иордании, “Братьями-мусульманами”^{*}, которых он превозносил как “стержень страны”.

Новому королю предстояло испытать тот же подход. Через несколько недель после коронации Абдалла пригласил лидеров “Братьев-мусульман”^{*} в свою горную резиденцию на неофициальную встречу. Представители духовенства явились во дворец – в развевающихся балахонах, трясая бородами – со списком жалоб на притеснения известных исламских активистов. Они ворчали по поводу цензуры в средствах массовой информации и мудреных законов о выборах, которые, по их словам, призваны были не допустить политических кандидатов от “Братьев”^{*} в парламент. Абдалла вежливо выслушал жалобы и в конце встречи предложил своим гостям неожиданный подарок: правительство немедленно освободит шестнадцать активистов “Братьев-мусульман”^{*}, которых отправили в тюрьму после уличных протестов. Гости, кажется, были очарованы; потом они рассказывали репортерам, что новый король – друг исламистов. “Ваше величество, мы с вами, как один человек, единое тело, которое доверяет вам”, – сказал Абдалле лидер “Братьев”^{*}.

Если бы все было так просто! Несмотря на риторические жала, время от времени вонзаемые ими в монархию, “Братямусульмане”^{*} являлись, по сути, частью иорданского истеблишмента. Другие исламисты не соблазнились бы освобождением горстки заключенных или туманными обещаниями расширить электорат. Мусульмане хотели влиять на управление страной, пусть сами и не имели единого мнения о том, как именно влиять.

Абдалла был нацелен на результат, на продуктивность. В нескольких интервью молодой правитель говорил о своем желании видеть, как Иордания превращается в настоящую конституционную монархию, во главе которой номинально стоит король, но управляет которой премьер-министр, избранный заседающими в парламенте представителями народа. Однако советники Абдаллы настаивали, что реформы должны продвигаться потихоньку. В стране, где демократия еще не укоренилась, попытка слишком быстро совершить масштабные перемены может привести к обратному результату, указывали они. У исламистов же огромное число последователей, они отлично организованы, мотивированы, их хорошо финансируют. Они могут легко победить на прямых выборах, и будущее страны окажется в руках движения, среди лидеров которого – люди, чьи планы на будущее Иордании совсем иные, чем у “Братьев-мусульман”^{*}.

С господами в чалмах, сидевшими вокруг стола Абдаллы, можно было договориться. Но были и другие в Иордании и в регионе, для которых переговоры в западном смысле слова ничего не значили. Их можно было победить только силой.

От предыдущей борьбы с исламскими экстремистами, восходящей к самым первым дням существования монархии, у Иордании остались глубокие рубцы. Некоторые считали само существование этого государства проклятием, попыткой оккупационных властей держать мусульман разобщенными и слабыми. Они смотрели на королевскую семью Иордании, Хашимитов, правивших священным городом Меккой девятьсот лет, как на предателей.

Страны под названием Иордания (равно как и группы людей, называемых иорданцами) действительно не существовало до первых десятилетий двадцатого века. Тысячу лет засушли-

вые земли к востоку от реки Иордан были частью исламских империй, или халифатов, которые в то время простирались от Северной Африки до Балкан, включая в себя также весь Аравийский полуостров и Левант. Первые халифы, считавшиеся наследниками пророка Мухаммеда, правили от Дамаска до Багдада. Их место заняли турки-османы, которые расширили исламскую империю и основали Османскую Порту под эгидой могущественных стамбульских султанов. Турецкие завоеватели предоставили ограниченное самоуправление Мекке, позволив Хашимитам контролировать священные места города – эта традиция восходила к десятому веку. Потом, в начале двадцатого века, явился Хашимит, чьи амбиции и дерзость изменили судьбу династии и перекроили карту Ближнего Востока.

Шериф Хусейн ибн Али, семьдесят восьмой эмир Мекки и прадед короля Иордании Хусейна, пришел к власти, когда Османская империя клонилась к закату. После того как турки в начале Первой мировой войны присоединились к Германии, шериф Хусейн затеял тайные переговоры с Британией, желая поднять восстание, которое принесло бы арабам независимость. В 1916 году он согласился помогать Британии и союзным войскам против турок в обмен на обещание британцев признать будущее арабо-исламское государство. Четверым сыновьям шерифа – Али, Фейсалу, Абдалле и Зейду – предстояло возглавить арабскую армию в освободительном движении, теперь известном как Великое арабское восстание. Они сражались бок о бок с офицером британской армии Томасом Лоуренсом, которого историки и кинематографисты позже обессмертили под именем Лоуренса Аравийского.

Арабам сопутствовала победа, но британские обещания шерифу Хусейну потеряли силу еще до окончания конфликта. Британия и Франция, сыграв на опережение, поделили захваченные османские земли на британский и французский протектораты в соответствии с тайным соглашением Сайкса – Пико 1916 года. После войны на картах появились совершенно новые государства, в том числе королевства Ирак и Сирия и – на узкой полоске земли между рекой Иордан и Средиземным морем – еврейские территории, которые позже назовут Израилем.

На восточном берегу реки, в краю бедуинских племен и бескрайних пустынь, британцы выделили анклав для третьего сына шерифа Хусейна – Абдаллы I. Британия сделала шаг к тому, чтобы сдержать данное правителю Мекки обещание, но получившаяся в итоге страна, первоначально названная эмиратом Трансиордания, а позже – Иорданским Хашимитским Королевством, по нескольким пунктам не дотягивала до полноценного государства. У подобной страны не существовало исторических прецедентов, а племен по ее территории было рассыпано столько, что и речи не шло о национальной идентичности. В новом государстве не было сколько-нибудь существенных залежей нефти, газа или других полезных ископаемых, практически не было источников воды для сельского хозяйства. Даже правитель страны, Абдалла, был импортирован из-за границы. Многие политические обозреватели того времени полагали, что Трансиордания очень скоро падет как самостоятельное государство и ее поглотит кто-нибудь из более крупных соседей.

Первая серьезная угроза пришла со стороны орд ихванов, которые вторглись в страну в 1920-е и с которыми в конце концов покончило вмешательство Саудовской Аравии. В конце 1960-х суверенитету Иордании угрожали палестинские повстанцы. Разрозненные группы боевиков, набранных среди четырехсот тысяч палестинских иммигрантов и беженцев, осевших в Иордании за тридцать лет войны, совершали нападения на иорданские войска и настойчиво пытались убить короля Хусейна. Монарх начал наступление, ставшее известным как “Черный сентябрь”^{*}; в ходе операции были убиты тысячи палестинских боевиков и еще несколько тысяч бежали в Сирию и Ливан. Жестокие столкновения захлестнули и крупный, населенный в основном палестинцами город Эз-Зарку; человек, который прославится как Абу Мусаб аз-Заркави, был тогда четырехлетним мальчиком.

В 1980-е годы регион сотрясали беспорядки, грозившие перелиться через относительно мирные границы Иордании. Тысячи молодых палестинцев сражались с израильскими вой-

сками во время первой интифады, или восстания, в то время как молодые иорданцы сотнями добровольно отправлялись в Афганистан, сражаться с советскими войсками. Многие, научившись воевать и обогатившись новыми идеями, возвращались в поселки и лагеря беженцев. Иные, подобно Заркави, собирались в группы, намереваясь продолжать борьбу против имеющих в наличии врагов ислама.

И все же такие радикалы были малочисленны и известны своей неорганизованностью. Подобно другим арабским правителям, иорданские монархи пытались нейтрализовать угрозу путем создания сильной, беспощадной разведывательной сети, способной держать экстремистов под контролем. В то же время правительство сотрудничало с умеренными исламистами, предлагая им привилегированные должности и некоторые политические свободы. По примеру отца Абдалла поддерживал иорданских “Братьев-мусульман”^{*} как умеренную оппозиционную силу. И ему, как и его предшественникам, предстояло вступать в неофициальные альянсы, время от времени идя на одолжения и уступки, которые были бы политически выгодны лидерам группы и гарантировали бы их лояльность короне.

Именно такая возможность представилась в марте 1999 года, когда в стране закончился официальный сорокадневный траур после смерти короля Хусейна. По традиции, восходящей к первым годам Иордании, от новых королей ждут всеобщей амнистии, дарования королевского прощения заключенным, осужденным за ненасильственные или политические преступления. Абдалле объявление амнистии позволило бы сбросить груз старых ошибок и набрать очки у важных групп населения, от исламистов до могущественных племен Восточного берега. Чтобы амнистия принесла максимальную политическую выгоду, членам парламента было дано задание выбрать заключенных, подлежащих освобождению, и составить подробный юридический проект амнистии. Список из пятисот имен быстро разросся до тысячи, потом до двух тысяч. А законодателям все было мало.

Спор о конкретных именах просочился в публичное пространство. Хотя новый закон исключал тех, кто отбывал срок за насильственное преступление или терроризм, некоторые законники норовили освободить десятки заключенных, обвиненных в уклонении от призыва или в подготовке атак на израильтян. Другие требовали помилования для так называемых арабских афганцев, ветеранов священной войны против советских войск в Афганистане, которые после возвращения домой образовали исламистские ячейки.

“Иордания готова начать новую главу своей истории, и это означает, что правительство должно открыть новую страницу, особенно в том, что касается политических заключенных”, – заявил Салех аль-Армути, президент адвокатской коллегии Иордании, газете *Jordan Times*, пока тянулись переговоры. Но некоторые руководители правоохранительных органов видели в этом надвигающуюся катастрофу. “Большинство из них станут рецидивистами, мы будем видеть их лица снова и снова, – жаловался полицейский чин той же газете. – Большинство из них, оказавшись на свободе, начнут убивать”.

В конце концов список, содержавший теперь две с половиной тысячи имен, был принят в парламенте и отправлен во дворец для окончательного одобрения. Король, пребывавший в новой должности всего шесть недель и с трудом пробиравшийся по трехмерному минному полю законодательства, клановой и королевской политики, оказался перед выбором – утвердить список или отправить его назад, за чем последовали бы еще недели дебатов.

Он утвердил список.

Через много месяцев Абдалла обнаружит, что список содержал имена некоторых арабских афганцев из тюрьмы АльДжафр, которые служили делу очищения исламской веры с пылом, напоминавшим ихванский, отчего то и дело оказывались за решеткой. Но к тому времени малоизвестный джихадист по имени Ахмад Фадиль аль-Халайли уже станет террористом Абу Мусабом аз-Заркави. И король Иордании уже ничего не сможет поделать, кроме как

изливать на своих помощников сильное, но абсолютно тщетное раздражение. “Почему, – будет вопрошать он, – никто не проверил фамилий?”

Вечером 29 марта 1999 года вереница тюремных машин прибыла в Аль-Джафр, чтобы увезти первую партию заключенных-исламистов, которым королевская амнистия даровала свободу. По закону государство обязано доставить заключенных в город, где они были арестованы. Заркави и его наставник, Абу Мухаммад аль-Макдиси, заняли место в фургоне, резервированном для Аммана. Они принесли свои скудные пожитки и свежeproштампованные бумаги, возвращавшие им права свободных граждан, возможность работать, путешествовать и состоять в различных организациях так же, как все остальные граждане Иордании. Дождавшись темноты, водитель амманского фургона через главные ворота, мимо охраны и пулеметных гнезд, мимо поникших, увядших пальм, высаженных вдоль дороги, вывел машину на шероховатый асфальт шоссе, ведущего в столицу. Впервые за пять лет они были свободны.

Но не полностью свободны. У обоих были жены, дети, которых они едва знали, семьи, которые во время их заключения едва сводили концы с концами, выживая на милостыню от родственников. Оба оставались объектами пристального внимания и даже преследования со стороны государственных спецслужб. И оба были связаны с исламским братством, которое они возглавляли в тюрьме, хотя и в разной степени.

Дистанция между Макдиси и другими заключенными увеличилась за месяцы, проведенные в Аль-Джафре. Ожидая дня освобождения, Макдиси говорил о возвращении к семье и о собственных произведениях; он желал расширить свою аудиторию по всему мусульманскому миру и при этом избегать преступлений, которые могли бы снова привести его в тюрьму.

Заркави же разрывался между двумя семьями: той, что осталась в Зарке, и той, что он обрел в тюрьме. Его братья из Аль-Джафры были преданы ему лично и желали следовать за ним повсюду. Из-за амнистии будущее этой семьи оказалось под вопросом.

Сабха, тюремный врач, отсутствовал в тот вечер, когда Заркави и другие отбыли в Амман. Освобождение такого большого количества заключенных по амнистии означало, что объем работы значительно сократится, и тюремный персонал был взбудоражен слухами о том, что тюрьму скоро закроют навсегда. На следующее после освобождения утро Сабха рано приехал на работу и зашел к начальнику тюрьмы выпить кофе и послушать последние новости. Полковник Ибрагим поздоровался с ним, и взгляд у него был странный. “Наш приятель вернулся”, – сказал он.

Полковник провел доктора через двор к камере исламистов, где теперь содержалась лишь горстка заключенных, совершивших насильственные преступления и не подлежавших помилованию. Подойдя ближе, Сабха увидел бородатого мужчину, стоявшего у дверей и разговаривавшего с заключенными сквозь решетку. Это был Заркави. “Он здесь с половины шестого утра”, – сказал Ибрагим.

Заркави добрался до Аммана, несколько часов провел в Зарке у матери, а потом повернул назад и всю ночь ехал на машине друга, чтобы прибыть в Аль-Джафр до рассвета. И вот он снова здесь, в ненавистной тюрьме, ободряет других заключенных, словно полевой командир, проверяющий боевой дух вверенных ему войск.

Сабха несколько минут смотрел на него, не веря своим глазам.

“Настоящий лидер, – говорил он впоследствии. – В тот момент я понял, что еще услышу о нем. Этому человеку суждено было прийти либо к славе, либо к смерти”.

Глава 3

“Рано или поздно эта проблема возникнет снова”

Через шесть месяцев после обретения свободы Абу Мусаб аз-Заркави стоял в зале вылета амманского международного аэропорта имени королевы Алии; он собирался покинуть Иорданию навсегда. В руках у него был свеженький иорданский паспорт № Z 393834 с пакистанской визой, а также надежная легенда: Заркави, ветеран войны и бывший заключенный, собрался открыть свой бизнес – международную компанию по торговле медом.

Заркави не преминул захватить с собой мать, пятидесятилетнюю Даллу аль-Халайли, – полезная маскировка, если хочешь сойти за простого бизнесмена, желающего найти партнеров для своего медового предприятия. Примечательным было отсутствие жены и троих детей. Место, куда на самом деле направлялся Заркави, не годилось для молодой семьи; к тому же он уже решил подыскать себе вторую жену, как только устроится.

Но он и не предполагал, что Мухабарат готовит ему теплый прием.

Когда Заркави шел к выходу на посадку, несколько крупных мужчин в темных костюмах схватили его за плечи и быстро втолкнули в боковое помещение, оставив его растерянно бормотавшую что-то мать в коридоре. Через несколько минут Заркави уже сидел в штаб-квартире разведслужбы, с явным усилием сдерживая гнев. “Я ничего не сделал! – возмущался он. – Почему меня задержали?”

Человек, сидящий напротив Заркави, к этому дню уже столько раз допрашивал джихадиста, что практически мог произносить реплики за него. Абу Хайсам, капитан разведывательной службы, прослуживший в контртеррористическом отделе Мухабарата пятнадцать лет, неделями отслеживал приготовления Заркави; он-то и устроил этот разговор на дорожку. Абу Хайсам никогда не воспринимал Заркави всерьез, считая его очередным исламистом-сорви-головой, более шумным и агрессивным, чем большинство, однако не обладающим ни умом, ни организационными талантами в такой степени, чтобы быть по-настоящему опасным. Но сейчас Заркави пытался покинуть Иорданию по явно продуманной схеме. Что же он затеял?

Заркави был прав в одном: он не совершил уголовного преступления – по крайней мере, такого, чтобы оправдать драматическую сцену, разыгравшуюся перед матерью и сотней пассажиров. Но Мухабарат не собирался позволить ему улизнуть так просто. Пребывание в тюрьме лишь укрепило Заркави в его убеждениях и расширило сеть возможных поделщиков. Сейчас у него был билет в пакистанский Пешвар, ворота в Гиндукуш – горы, сразу за которыми его ждал Афганистан. В Афганистане находился Усама бен Ладен. Саудовский террорист взорвал два посольства США в Африке в 1998 году и объявил войну Соединенным Штатам.

Капитан еще не разгадал истинных планов Заркави, но был уверен: они не имеют ничего общего с развитием пчеловодства в горах на северо-западе Пакистана. Если Заркави свяжется с террористами, Иорданию ждут неприятности. “Невозможно просто спихнуть его кому-то еще, – объяснял Абу Хайсам коллегам. – Рано или поздно эта проблема возникнет снова”.

По закону Абу Хайсам имел право задержать Заркави на три дня, пока агенты Мухабарата проверяют имущество задержанного и опрашивают родных и близких. В реальности разведывательная служба могла мариновать его сколько угодно. Заркави, посаженный в камеру для допросов и все еще изо всех сил сдерживающий гнев, прекрасно это знал. Но Абу Хайсам все же напомнил: “Как служба безопасности мы обязаны знать, чем ты занимаешься”.

Заркави не всегда был таким уступчивым. Первая встреча Абу Хайсама с человеком, в то время известным как Ахмад Фадиль аль-Халайли, обернулась яростной стычкой и едва не привела к фатальным последствиям.

Двадцать девятого марта 1994 года Абу Хайсам вместе с тринадцатью другими тяжелооруженными бойцами проводил рейд: брали квартиру, в которой жил тогда Заркави. В то время разведка разрабатывала ячейку афганских ветеранов, предположительно участвовавших в подготовке серьезного теракта. Члены ячейки (все они были связаны с проповедником-радикалом Абу Мухаммадом аль-Макдиси) добыли наземные мины и противотанковые ракеты и готовились атаковать израильских солдат на одной из границ с Иорданией. Явным лидером ячейки был двадцатисемилетний Заркави; участник войны в Афганистане, теперь он работал в видеосалоне, а свободное время посвящал тайным встречам с небольшой группой исламских радикалов. Когда прочие члены группы попали в тюрьму Мухабарата, Заркави перебрался из своего дома в съемную квартиру, чтобы подготовиться к бегству из страны. Он как раз заканчивал сборы, когда Абу Хайсам и другие бойцы, собравшиеся в переулке позади дома, изготовились идти на штурм.

Агенты весь день вели наблюдение за квартирой, чтобы не пропустить появление Заркави, и потом еще несколько часов ожидали, пока погаснет свет. В час ночи, воспользовавшись полученным от домовладельца ключом, агенты тихо отодвинули засов и стали крадучись подниматься по лестнице. Заркави они обнаружили крепко спящим в задней комнате.

Бойцы подобрались уже к изножью кровати, когда Заркави проснулся и резко подскочил. Выругавшись, он сунул руку под подушку, словно желая что-то схватить. “Пистолет!” – крикнул один из агентов.

Несколько мужчин надели на Заркави, пытаясь прижать его к кровати, другие бойцы вырвали у него из рук оружие. Именно тогда один из бойцов заметил, что занавеска странно подрагивает. Он бросился вперед и схватил второго человека, египтянина, который, к счастью для агентов, не был вооружен. “Мы не знали, что в доме есть кто-то еще, – говорил впоследствии Абу Хайсам. – Этого человека мы обнаружили только потому, что занавеска колыхалась, хотя окна за ней не было”.

Агенты бросили пистолет – автоматический М-15 с тремя полными обоймами – в фургон, туда же отправили взбешенных подозреваемых. Заркави, все еще “готовый убивать”, как описывал его позже один из бойцов, враждебно глядел на агентов с заднего сиденья: спутанные волосы, из-под рукава разорванной ночной рубашки выглядывают наколки. “Он в бешенстве выкрикивал обвинения: “*Кяфиры!* Неверные!” – вспоминал агент.

Потом группа вернулась в похожую на крепость штаб-квартиру Мухабарата для допроса. Среди тех, кто заходил навестить подозреваемых, был Самих Баттихи, седовласый, умудренный опытом замдиректора агентства. Он смотрел, как его люди в маленькой, ярко освещенной камере по очереди пытаются расколоть подозреваемого. Заркави никоим образом не походил на сломленного, вспоминал потом Баттихи. “Пропаганда лилась из него потоком. Его голова была насажена идеологией”, – рассказывал он.

Баттихи, которого вскоре назначат директором разведки, с растущей тревогой наблюдал за потоком возвращавшихся из Афганистана иорданцев, которые воевали в рядах моджахедов под исламистскими знаменами. Поначалу, вспоминал он, иорданцы, добровольно ехавшие в Афганистан, “были хорошими парнями, они сражались против коммунистов” – в этом пункте Иордания сходилась с самыми важными своими союзниками, включая Америку, Британию и Саудовскую Аравию. Сейчас они возвращались домой, закаленные в боях и с диаметрально противоположными взглядами, даже манера говорить и одеваться у них изменилась. Заркави выглядел и говорил как другие, но был агрессивен, точно посаженное в клетку животное. Многие знали, что в юности он был драчуном и мелким уголовником. Сейчас Баттихи спрашивал себя, не слились ли эти две части личности воедино, дав на выходе бандита и религиозного фанатика. “Он не соответствовал профилю, – говорил Баттихи. – Пьяница и головорез. Семья тревожилась, отправляла его в религиозные группы, чтобы наставить на путь истинный. Но он, кажется, встал на *слишком* истинный путь. Так что мы получили худшее из двух миров”.

На самом деле Мухабарат знал о Заркави многое с самого начала, еще до тюрьмы. Если его толстое полицейское досье и оставляло какие-то пробелы, они быстро заполнялись массой сведений, добытых разведслужбой.

Ахмад Фадиль аль-Халайли, как показывали записи, был проблемой с детства: он прошел по тернистой дорожке от вандализма, наркотиков и алкоголя до более серьезных преступлений. Родился он 30 октября 1966 года у небогатых иорданцев: отец служил в городской администрации Зарки, истово верующая мать любила мальчика больше его семи сестер и двоих братьев. Семья жила в скромном двухэтажном доме, который располагался на холме, над большим кладбищем, где местные рабочие хоронили своих мертвецов. Кладбище представляло собой руины, несколько тысяч крошащихся, надписанных от руки надгробий, разбросанных по склону, заросшему сорняками и обжитому одичавшими кошками. К тому же оно было чем-то вроде общественного парка. Мальчик, которого будут звать Абу Мусаб аз-Заркави, проводил долгие часы, играя на кладбище; когда он стал подростком, могилы сделались декорациями его первых преступлений.

Халайли происходили из большого и уважаемого племени с Восточного берега, Бани Хасанов, – биографический факт, который мог бы обеспечить известные преимущества молодому человеку, желающему завести связи и найти работу в патриархальном обществе вроде иорданского. Но Заркави продувал одну возможность за другой. Он бросил школу, хотя оценки выше средних и результаты тестов указывали на способности к гуманитарным наукам. Он отвернулся от обязательной двухлетней военной службы, но вылетел с муниципальной должности, на которую устроил его отец. Его уголовная карьера началась, когда ему было двенадцать лет – он порезал соседского мальчика во время уличной драки, – и пошла дальше: сутенерство, наркоторговля, разбойные нападения. К двадцати годам он обрел татуировки и репутацию пьяницы и уличного драчуна, который находил удовольствие в том, чтобы держать в повиновении своих жертв и конкурентов кулаком и ножом. Его представления о любовной победе – по свидетельствам служащих разведки и людей, знавших его в то время, – сводились к изнасилованию молодых мужчин; таков был его способ унижить их и утвердить собственное господство.

В двадцать один год он женился на своей двоюродной сестре Интисар, которая вскоре родила ему дочь. Но любовью всей жизни Заркави оставалась его мать. Далла аль-Халайли тревожилась из-за проблемного младшего сына, но не переставала верить в его природную доброту и продолжала считать, что он способен кое-чего достичь. Мать отдавала себе отчет в том, что интеллект ее сына ограничен. Несколько лет спустя, когда журналисты явились к Далле, чтобы выяснить, действительно ли Заркави обладал задатками лидера террористов и изготовителя бомб, их вопросы, казалось, искренне насмешили ее. “Он был не настолько умен”, – сказала Далла одному американскому репортеру. И добавила, что ее мальчик был “предан исламу”. Его решение присоединиться к джихадистам она объяснила тем, что такой оказалась единственная возможность состояться для молодого человека, неспособного найти нормальную работу на родине. “Мой сын – хороший человек, обычный человек, жертва несправедливости”, – говорила Далла.

Именно мать толкнула Заркави к исламистам. Она записала его в религиозную школу при местной мечети Аль-Хусейн Бен Али, надеясь, что он найдет достойные образцы поведения среди имамов и благочестивых юношей с их богословскими диспутами и фондами, призванными поддержать воинов ислама в Афганистане. Ко всеобщему изумлению, Заркави погрузился в ислам со всей страстью, с какой раньше предавался криминальным делам. Он проклял вино и стал регулярно посещать обсуждения Корана и пятничные молитвы. Он жадно поглощал пропагандистские видеоролики и аудиозаписи с эпизодами межрелигиозных войн в Афганистане, Боснии и Чечне. И когда имам местной мечети призвал добровольцев сражаться против коммунистов, угнетающих афганских мусульман, Заркави тут же поднял руку.

Он прибыл на границу Афганистана и Пакистана весной 1989 года, через несколько недель после вывода последних советских войск, но вовремя, чтобы присоединиться к нападению исламистов на просоветское правительство Афганистана, которое после ухода русских оказалось перед необходимостью защищать себя самостоятельно. Один из афганских боевиков, встречавших Заркави в аэропорту, будет потом вспоминать жилистого молодого человека, на вид энергичного, но странно застенчивого. Заркави говорил мало, объясняя это тем, что стесняется обнаружить скудость своего школьного образования и поверхностное знание Корана. Несмотря на жару, он упорно носил длинные рукава, чтобы скрыть свои татуировки.

“Мы все знали, кто он: тот самый печально известный головорез из Зарки, – говорил Худхайфа Аззам, один из афганских бойцов, сын влиятельного палестинского священнослужителя Абдаллы Аззама, которого многие считали отцом международного джихадистского движения. – Теперь он обрел веру и очень стыдился своих татуировок. Видно было, как застенчиво он прикрывает руки”.

Первым заданием Заркави стало сочинение статей для джихадистского журнала, в которых описывались подвиги моджахедов на поле боя. Такая работа требовала больших усилий от молодого человека с неполным школьным образованием. Среди его первых друзей был Салех аль-Хами – соратник-журналист, который потерял ногу, подорвавшись на сухопутной мине. Заркави проводил рядом с ним долгие часы, пока тот выздоравливал; он был настолько впечатлен набожностью аль-Хами, что решил выдать за него одну из своих сестер, бежавших в Пакистан. Позже новообращенный шурин Заркави переберется в Иорданию и станет его восторженным биографом. Аль-Хами вспоминал, что Заркави был очень эмоционален и, читая Коран, сразу начинал плакать. Большинство арабских боевиков избегали столь явного проявления чувств, но только не иорданец Заркави. “Произнося молитву, Заркави всегда плакал, даже когда выступал в роли имама”, – писал аль-Хами.

Когда в лагере не было тренировок, Заркави бродил по пакистанскому Пешвару, иногда заходил в местную мечеть, особо любимую арабскими боевиками. Имам мечети и несколько лет спустя живо помнил серьезного молодого иорданца, который казался поглощенным мыслями о своих прошлых грехах. Однажды, когда имам упомянул, что намерен отправиться в священный для мусульман город Мекку, Заркави обратился к нему с просьбой. “Если собираетесь в паломничество, – сказал молодой человек, – помолитесь по пути Аллаху – да простит он Абу Мусаба”.

В первый раз Заркави понюхал пороху в 1991 году, когда моджахеды начали наступление на удерживаемые правительственными войсками города в восточных провинциях Афганистана – Пактии и Хосте. Заркави сражался с жаром и вскоре, как вспоминали товарищи, приобрел репутацию человека, чья отвага граничит с безрассудством. Однажды, по словам Аззама, он в одиночку удерживал колонну из десятка с лишним афганских правительственных солдат в городе Гардесе на востоке страны, благодаря чему его товарищи по оружию успели отступить.

“Он был таким храбрым... Я всегда говорил, что у него сердце мертвеца”, – рассказывал Аззам. По его воспоминаниям, героизм Заркави выходил за рамки обычной готовности идти на риск. Иногда казалось, что он хочет очиститься.

“Меня поражало, как влияет на него его прошлое. Он шел в бой всегда с чувством вины, – говорил Аззам. – Думаю, отсюда и его отвага. Он словно заявлял: мои прежние деяния непростительны. Аллах простит меня, только когда я стану *шахидом* – мучеником”.

Мучеником Заркави так и не стал, но в горах Восточного Афганистана получил право называться моджахедом – воином Аллаха. К 1993 году, когда он покинул Афганистан, у него за плечами уже было несколько лет сражений. Он погрузился в доктрину воинствующего ислама, приняв ее из рук афганских и арабских религиозных деятелей, которые позже объединятся с “Талибаном”^{*} или Усамой бен Ладеном. Заркави прошел военное обучение в лагере,

которым руководил Абдул Расул Сайяф, афганский мятежный командир, наставник Халида Шейха Мохаммеда, вдохновителя атак 11 сентября 2001 года на Нью-Йорк и Вашингтон.

Подобно другим афганским боевикам, он тоже пил дурманящий коктейль из ощущения фронтового братства и почти неправдоподобного успеха самого мятежа. Разношерстная армия афганских и исламских добровольцев посрамила советскую супердержаву. Чем еще можно было объяснить такой успех, как не вмешательством Всевышнего? “Аллах даровал моджахедам в Афганистане победу над неверными”, – объявил, подводя итоги войны, Саиф аль-Адель, представитель Усамы бен Ладена. Боевики придерживались этого мнения, и Заркави был искренне убежден в его справедливости.

В 1993 году Абу Мусаб аз-Заркави и сотни других иорданских участников Афганской войны вернулись домой, в страну, которую они едва узнали. Но изменилась не только Иордания. За четыре года, пока Амман и другие крупные города разрастались и становились более современными, Заркави и его товарищи совершили путешествие во времени – в прошлое, в находящийся под контролем “Талибана”^{*} Афганистан, в места, которые почти по всем параметрам на несколько веков отставали от всего остального мира.

В родной город Заркави вернулся чужаком (сам же взял себе псевдоним Странник и теперь в точности ему соответствовал). Даже поход на местный рынок напоминал, какая пропасть лежит между умеренной, беззаботной Иорданией и строгой исламской дисциплиной, царившей в Афганистане. Заркави жаловался друзьям на нескромно одетых иорданок и неженатые пары в кафе и кинотеатрах. Он досадовал на магазины спиртного и продавцов порнографии, которые еще несколько лет назад пользовались его покровительством. Даже собственная семья разочаровала Заркави: мать и сестры отказывались носить паранджи, обычные для афганских женщин, а братья разрешали своим семьям смотреть по телевизору неисламские фильмы и комедии. Выпуски новостей, которые Заркави смотрел время от времени, расстраивали его еще больше, ибо сообщали о прогрессе Палестины и Иордании в переговорах с Израилем. Сама мысль о заключении мира с еврейским государством была для многих исламистов неприемлемой. Иные из тех, кто раньше поддерживал короля Хусейна, так и не смогли ему простить этих действий.

Заркави пытался приспособиться к нормальной жизни, работая в прокате голливудских фильмов и предлагая пленки с исламской пропагандой. Но его неотвратимо влекло то единственное, что дало ему смысл жизни. Заркави читал книги о героях раннего ислама, и его особенно восхищал Нур ад-Дин Занги, принц-воитель, правивший в Дамаске в двенадцатом веке. Нур ад-Дин наголову разбил армию европейских крестоносцев и пытался объединить лоскутное одеяло мусульманских царств в единый султанат, от Южной Турции до реки Нил. После того как его воины убили антиохийского князя французского происхождения, Нур ад-Дин велел поместить голову правителя в серебряный ящик и послал ее в дар багдадскому халифу.

Несколько лет спустя Заркави стал видеть себя современной реинкарнацией Нур ад-Дина и захотел подражать его военной стратегии. Он приготовился начать с малого. Заркави отыскал своего старого афганского знакомого, проповедника и ученого по имени Абу Мухаммад аль-Макдиси, и явился к нему в Аммане с заявлением, что хочет “трудиться на благо иорданской веры”, как вспоминал потом Макдиси. Так сформировалось их партнерство, продлившееся два года. Началось оно с групп, где участники Афганской войны изучали Коран, а продолжилось организацией небольших ячеек для более амбициозных предприятий. “Мы печатали и распространяли кое-какие мои работы, – напишет Макдиси позже о первом этапе сотрудничества с Заркави. – Молодые люди сплотились вокруг нас и передавали наши книги и послания другим”.

Такие же группы, тоже под руководством недовольных режимом бывших моджахедов, формировались тогда по всей Иордании, и некоторые из них устраивали мелкие нападения

на винные магазины и прочие символы порочности Запада. Вскоре Заркави представился шанс совершить что-нибудь более выдающееся, чем ксерокопирование религиозных трактатов. Он предлагал разные способы сорвать предстоящие парламентские выборы в Иордании, говоря о возможных мишенях с таким возбуждением, что остальные члены группы забеспокоились.

“Он хотел, чтобы все было быстро, – вспоминал Абу альМунтасир, иорданский исламист, присутствовавший в 1993 году на нескольких собраниях. – Он хотел осуществить все задуманное за пару месяцев, если не часов”. Склонный торопиться, Заркави принимал решения, по словам аль-Мунтасира, “единолично, в неподходящее время и в неподходящем месте”. “И что еще печальнее, – добавлял он, – большинство братьев обычно соглашались с ним”.

К началу 1994 года у группы появилось название: “Байят аль-Имам”, буквально “Клятва верности имаму”. У группы был небольшой склад оружия из неизвестного источника. Макдиси, живший в 1990 году, во время вторжения Саддама Хусейна, в Кувейте, раздобыл несколько мин, гранат и артиллерийских снарядов, оставшихся после ухода иракских войск в 1991-м. Перебравшись в Иорданию, Макдиси прятал их у себя дома. Толчком, побудившим группу к действию, стали события 25 февраля 1994 года, когда иудей-экстремист открыл огонь по молящимся в мечети города Хеврона на Западном берегу; двадцать девять мужчин и мальчиков были убиты, многие ранены. Группа, разгневанная этим преступлением, решила, при неохотной поддержке Макдиси, с оружием в руках напасть на израильский пограничный пост. Предполагалось сначала выпустить по пограничникам несколько снарядов, а потом применить малокалиберное оружие.

Этим планам не суждено было сбыться. Мухабарат с его обширной сетью осведомителей неизбежно узнал о замысле и очень быстро свел его на нет. Команда Абу Хайсама начала свои рейды, завершившиеся 29 марта эффективным арестом Заркави прямо в постели. Заркави и двенадцать других членов ячейки в конце концов подписали документ, в котором признавались в нелегальном владении оружием и подготовке теракта.

Макдиси попытался устроить из суда презентацию собственных радикальных взглядов; в какой-то момент он выкрикнул военному прокурору: “Вы виновны!” Пока зачитывали приговор, обвиняемые вопили и сотрясали решетку вокруг скамьи подсудимых, а Макдиси кричал: “Ваши наказания только укрепляют нас в вере!”

Возможно, так оно и было. Но Макдиси и Заркави получили по пятнадцать лет тюрьмы, так что более вероятным представлялось, что эти люди вместе со своим движением затихнут навсегда. А если иорданская тюрьма не сумеет удержать их под контролем – на этот случай Мухабарат располагал множеством альтернативных методов, способных обеспечить тот же результат, как любил напоминать западным гостям Абу Хайсам. “Агентство не отвергает варианта применить давление, – говорил он, – если это единственный путь воспрепятствовать скверному развитию событий”.

Правда в том, что руководители Мухабарата сами толком не знали, что делать с Заркави, когда того весной 1999 года неожиданно освободили из тюрьмы. Разведка все еще решала этот вопрос, когда шесть месяцев спустя Заркави возник в аэропорту с матерью и двумя билетами эконом-класса в Пакистан.

Пока Заркави мариновали в камере предварительного содержания положенные три дня, агенты Мухабарата подвергли основательной проверке его имущество, ища подсказок, куда и как надолго он собирался. В одной из сумок нашли написанное от руки письмо и внимательно изучили каждую строчку в поисках зашифрованных посланий; наконец эксперты пришли к заключению, что это безобидное письмо от одного из друзей Заркави с просьбой передать привет общему знакомому в Пакистане.

Абу Хайсам откровенно провоцировал Заркави, по-разному формулируя одни и те же вопросы. Заключение спокойно признал, что надеется в конце концов поселиться в Паки-

стане, как только его медовый бизнес станет приносить достаточный доход, чтобы обеспечить семью. “Я не могу жить в этой стране, – сказал он капитану. – Хочу начать новую жизнь”.

Дискомфорт Заркави был вполне понятен. Во-первых, ему не хватало тюрьмы. Несмотря на тяжелые условия содержания, Аль-Джафр давал Заркави ощущение идентичности и принадлежности к группе. А жизнь вне тюрьмы давала лишь тревогу и растерянность, говорил он членам семьи.

Но больше всего заставлял его нервничать Мухабарат. Удрученные таким скорым освобождением исламистов, начальники антитеррористического отдела службы безопасности делали все, чтобы держать Заркави и его братию в постоянном напряжении.

Абу Хайсам и его коллеги были мастерами этого искусства. Иорданская разведка в числе прочего умела исключительно хорошо проникать в головы подозреваемых террористов и бунтарей. Служба всегда была сравнительно небольшой и зависела от Соединенных Штатов и других союзников в том, что касалось технологий и денег. Но мало кто в мире мог бы соперничать с ними в разработке информаторов, шпионаже или проникновении во вражеские организации. В более ранние времена методы расследования включали физические пытки – настолько жестокие, что иные иорданцы именовали тюрьму Мухабарата “Фабрикой ногтей”. Однако в последние годы руководители службы усвоили более тонкие приемы, позволявшие добиться тех же результатов.

Чтобы не давать Заркави расслабляться, Мухабарат с изнуряющей регулярностью навещался к нему; агенты называли эту стратегию “раздражать”. Несколько агентов могли явиться в дом Халайли в неурочное время, иногда ночью, и попросить Заркави прокатиться с ними. Прогулки всегда заканчивались посещением штаб-квартиры и “беседой”, которая могла длиться часами. Ключевым моментом ритуала было подтверждение того, что, по сведениям информаторов, Заркави говорил или делал, – просто чтобы напомнить гостю, насколько пристально за ним приглядывают.

Хотя Заркави явно возмущался этими визитами, у него не было выбора, он мог только подчиняться. Во время одного из рутинных “раздражений”, в конце лета, он пришел в ярость при виде черной машины агентов, как вспоминал потом один из них.

“Смотрите, кто пришел – снова Мухабарат!” – взорвался Заркави; его саркастические замечания было слышно на весь квартал. Его мать, чье пухлое лицо сделалось красным на фоне черного головного шарфа, встретила гостей в дверях с целым ворохом колкостей, понося разведку, правительство и даже своего сына, от которого одни проблемы: “Будь проклят день, когда он родился!”

В штаб-квартире служащие по очереди занимались Заркави, образовав нечто вроде команды из детективов и криминалистов. Абу Хайсама иногда сменял его босс, Али Бурзак, глава антитеррористического отдела и один из самых страшных людей в Мухабарате. Из-за жестких манер и венчика рыжих волос частые посетители разведгоса дали ему прозвище Красный Дьявол. Заркави его ненавидел. Через несколько лет, когда он уже покинул Иорданию навсегда, он дважды посылал своих людей в Амман с приказом убить Красного Дьявола. Обе попытки провалились.

Третьим сотрудником агентства, проявившим особый интерес к подозреваемому, был молодой специалист по борьбе с терроризмом, почти ровесник Заркави. Абу Мутаз принадлежал к новому поколению служащих Мухабарата: образованных, поездивших по миру, обучавшихся аналитике в Великобритании и Соединенных Штатах. Но он был и выходцем из иорданского пустынного племени, дитя той же культуры, что и многие джихадисты и уголовники, с которыми он работал. Его коротко стриженные волосы, неровные зубы и кожаная куртка придавали ему вид парня с улицы, но теплые карие глаза и искренний смех сразу располагали к нему людей, в том числе иных исламистов.

Когда Заркави привозили, Абу Мутаз хватал блокнот, пачку “Парламента” и отправлялся в скудно обставленный кабинет, где проводились неофициальные допросы. Заркави сидел напротив него за маленьким столом, без наручников, на лице, как всегда, – ледяное равнодушие. Абу Мутаз считал, что Заркави выглядит слегка запущенным в своей просторной афганской одежде и с вечно неухоженной клочковатой бородой. Ногти неизменно оставались нестриженными и грязными, словно их обладатель тяжело трудился в поле.

Абу Мутаз предлагал сладкий травяной чай и сладости, которые обычно бывали приняты, – но не кофе и не сигареты. Заркави не любил кофе и, как истинный исламист, считал курение западным пороком. Абу Мутаз все равно закуривал. “Итак, Ахмад, – начинал Абу Мутаз, называя Заркави его настоящим именем, – расскажи мне о своих планах”.

Абу Мутаз досконально изучил, на какие эмоциональные кнопки Заркави надо нажимать, чтобы вывести его из себя. Он обнаружил, что может спровоцировать реакцию, затронув темы религии или семьи, в особенности говоря о племенных корнях Заркави. Принадлежность к тому или иному племени – предмет огромной важности в обществах Восточного берега реки Иордан, и линия Бани Хасан, к которой принадлежал Заркави, связывала его с одним из самых крупных и важных племен региона, восходящих к временам пророка Мухаммеда и даже более ранним. Принадлежность человека к тому или иному племени определяла его положение в обществе и требовала от него патриотизма, гордости за свою семью и выполнения сыновнего долга. Абу Мутаз мог обронить в разговоре, что беседовал со старейшинами племени о Заркави и они весьма тревожатся из-за него. Выражение вызова быстро исчезало с лица Заркави, но он ничего не отвечал. “То, что ты делаешь, – продолжал Абу Мутаз, – может погубить твое племя. Твои действия губительны для всей страны”.

Когда темой беседы становилась религия, Заркави воодушевлялся. Ему, похоже, доставляло удовольствие демонстрировать свое знание Корана и хадисов, собраний апокрифических легенд о пророке Мухаммеде и его сподвижниках; джихадисты усердно разрабатывали эти легенды, чтобы придать достоверности своим религиозным взглядам. Абу Мутаз, привыкший пикироваться с исламистами, дразнил Заркави вопросами о его взглядах на насилие. Разве ислам не запрещает отнимать жизнь у невинных? “Еретики не невинны, – спорил Заркави и категорично добавлял: – Это не только *халаль* – разрешено. Всевышний повелел убивать *кяфиров*”.

В конце концов Заркави уставал от разговора и замолкал. “Я вам не нравился, когда был бандитом, – буркнул он как-то Абу Мутазу. – Теперь я стал верующим – и все равно вам не нравлюсь”.

Как бы тревожно ни звучали речи Заркави, он всего лишь воспроизводил обычную риторiku джихадистов. По-настоящему опасным мыслителем и проповедником руководители Мухабарата считали его единомышленника Макдиси; следовало найти повод продержать его за решеткой еще лет пятнадцать. Заркави явно не был человеком уровня Макдиси, но что же он собой представлял? Специалисты агентства были в замешательстве.

Заркави произносил речи религиозного радикала, однако интенсивная слежка показывала, что его поведение весьма противоречиво и несет на себе отпечатки его дорелигиозного прошлого. Он мог несколько часов провести в доме одной жительницы Зарки, которая не была его женой, а потом объявиться прямо на каком-нибудь исламистском собрании или на вечерней молитве в местной мечети. Абу Мутаз подметил, что Заркави по привычке лгал по мелочам и продолжал цепляться за выдуманную историю, даже когда ему предъявляли доказательства его лжи. Его поведение было настолько непостижимым, что Мухабарат даже в частном порядке нанимал психиатров, чтобы проанализировать его досье и получить экспертное суждение. Мнение врачей, хотя и уклончивое, предполагало, что Заркави, возможно, страдает какой-то разновидностью диссоциативного расстройства личности, такого, где глубинная неуверенность в себе и сокрушительное чувство вины вступают в столкновение с раздутым эго, убеж-

денным в собственном величии. “У него был комплекс героя и комплекс вины, – говорил Абу Мутаз. – Он хотел быть героем, видел самого себя героем, даже когда был вором. Но экстремистом его сделало чувство вины”.

Некоторые друзья-исламисты тоже заметили, что его поведение становится все более странным. Один из них вспоминал, что Заркави мог часами сидеть в любимой фалафельной в своих афганских одеждах, ни с кем не разговаривая. “Он поражал меня тем, что был как суфий, мистик. Спокойный, благочестивый. Слегка печальный”. А бывали минуты, когда Заркави казался почти маньяком, направо и налево твердя о своем стремлении возродить свою прежнюю исламистскую ячейку, в Иордании или за границей.

“Он приходил ко мне домой и просил меня начать с ним новую главу, работать вместе, может быть, уехать в Афганистан, – вспоминал аль-Мунтасир, амманский исламист, которого арестовали и отправили в тюрьму вместе с Заркави в 1994 году. – Я рад был ему как гостю, но отказался работать с ним снова из-за его нарциссизма, не говоря уже об остальных его качествах”.

Но такие разговоры – не преступление. Абу Хайсам честно сказал об этом Заркави в последний из трех дней, которые Заркави провел на попечении Мухабарата после сцены в аэропорту. Капитан допрашивал Заркави (как оказалось, в последний раз), когда его подопечный начал горько жаловаться, что в штаб-квартире агентства он как в чистилище. “Отправьте меня в суд, если у вас на меня что-то есть!” – призывал Заркави. “Если бы у меня что-то на тебя было, я бы отправил тебя в суд!” – признался Абу Хайсам.

Это был редкий момент обоюдной откровенности. Капитан снова объяснил необходимость держать людей, подобных Заркави, на коротком поводке. “Ничего личного, – сказал он. – Ты сам понимаешь, кто ты в наших глазах. Ты экстремист”. – “Вы сами понимаете, кто вы в моих глазах, – парировал Заркави. – Вы неверные”.

На следующий день Заркави с матерью вернулись в аэропорт, чтобы улететь в Пакистан. На этот раз им никто не мешал, однако Мухабарат не спускал с них глаз.

Глава 4

“Время обучения закончилось”

Тридцатого ноября 1999 года иорданские следователи прослушивали разговор сидевших второй срок исламских боевиков. В одной из расшифровок всплыла зловещая фраза. Подозрительный звонок был сделан с афганистанского номера, и звонивший, кажется, давал нечто вроде шифрованной инструкции. “Время обучения закончилось”, – произнес афганец, говоривший на сирийском арабском.

Хотя неясность фразы выводила из себя, руководители Мухабарата решили действовать быстро, чтобы помешать исламистам, каковы бы ни были планы последних. Очень скоро стало ясно: разведка столкнулась с чем-то масштабным. За несколько дней иорданцы арестовали шестнадцать человек, включая того, кому был сделан звонок, – Хадара Абу Хошара, палестинца, воевавшего в Афганистане. Абу Хошар был связан с несколькими экстремистскими группами. В тайном подземном проходе агенты обнаружили инструкции по изготовлению бомб и сотни фунтов химикатов. Из одного подозреваемого агенты выудили кое-какие ключевые подробности, в том числе предполагаемую дату атаки – новогодние праздники 1999 года – и девиз операции, по словам задержанного гласивший: “Время близится: трупы будут сваливать мешками”.

Через несколько дней замдиректора агентства пригласил шефа амманского отделения ЦРУ Роберта Ричера на ужин. Саад аль-Хейр казался необычайно взволнованным; прежде чем сообщить новость, он выпил несколько порций спиртного. “Роб, я хочу тебе кое-что сказать, но не говори моему боссу, – начал второй человек в Мухабарате. – Мы взяли нескольких человек, которые задумали крупные атаки в Иордании”.

Хейр рассказал, как иорданцы узнали о заговоре и что на сегодняшний день им известно о мишенях, избранных террористами. Список возглавлял отель “Рэдиссон”, достопримечательность Аммана, который в канун Нового года наверняка будет битком набит американцами и другими гражданами западных стран, а также сотнями иорданцев. Хейр сказал, что руководство Мухабарата приняло решение не делиться подробностями с американскими коллегами до тех пор, пока не арестуют всех заговорщиков. Ричер прервал его. “Саад, я должен дать ход этой информации, – сказал он иорданцу. – Мне надо увидеться с твоим боссом и получить разрешение использовать ее”.

Ричер, бывший морской пехотинец, стал главой иорданского отделения ЦРУ уже во второй раз и отлично представлял себе, насколько сложно организована внутренняя политика Мухабарата. Но теперь возникла потенциальная угроза для жизни американцев. На следующее утро Ричер пошел в офис Самиха Баттихи, тогдашнего руководителя разведки, и объявил, что ЦРУ из собственных источников стало известно о планах террористов нанести по Иордании удар в канун нового тысячелетия. Пораженному Баттихи ничего не оставалось, кроме как рассказать американцу все, что ему было известно.

В следующие две недели в Иорданию прибыли американские антитеррористические команды, которые помогли местным разведчикам реконструировать то, что позже назовут “Заговором тысячелетия”. Улики оказались разбросаны не менее чем по шести странам. Иорданская часть плана предусматривала волну взрывов и атак с применением стрелкового оружия; мишенями должны были стать не только амманский “Рэдиссон”, но и израильские пограничные переходы, а также христианские святыни, популярные у западных туристов. Отдельно планировалась атака на международный аэропорт Лос-Анджелеса. Она была предотвращена: американские таможенники арестовали террориста, когда он пытался пересечь американо-канадскую границу на машине, набитой взрывчаткой.

Изъятые документы и расширенное наружное наблюдение увеличили число предполагаемых террористов до двадцати восьми. Из всех имен, оказавшихся в списке, особое удивление возбудило одно: иорданца из Зарки, значившегося под собственным именем Ахмад Фадиль аль-Халайли.

Заркави вернулся.

Покинув двумя месяцами раньше Иорданию, Абу Мусаб аз-Заркави постарался добраться до Западного Пакистана, но там, похоже, застрял. Информатор, недолго следивший за ним, дал знать, что Заркави совершает дневные молитвы в арабской мечети в Пешваре и что он чист. И вот всего через несколько недель Заркави всплывает в качестве мелкого консультанта при подготовке к одному из крупнейших террористических актов в истории Иордании.

Заркави играл роль незначительного советника, но прослушек, связавших его с заговором, оказалось достаточно, чтобы добавить пунктов в его обвинительный список и заочно вынести вердикт “виновен”. Его имя фигурировало и в отчете, который лег на стол Роберта Ричера в амманском отделении ЦРУ. “Тогда мы впервые услышали имя Заркави”, – вспоминал позже американский разведчик.

Предотвратив заговор, иорданцы спасли множество жизней, а также ликвидировали угрозу экономике и политике. Джихадисты избрали своими мишенями символы туристической индустрии, жизненно важной для Иордании, – да еще в момент, когда государство и его неожиданно оказавшийся на престоле молодой монарх все еще пытались нащупать точку опоры после смерти короля Хусейна. За девять месяцев своего правления Абдалла II сделал все, чтобы провести в Иордании экономические и политические реформы; при этом он столкнулся с сопротивлением со стороны старой гвардии, включая генералитет, руководителей органов безопасности и племенных вождей, которые во время правления короля Хусейна сохраняли привилегированное положение. Если бы теракт удался, он мог бы изменить лицо Иордании, парализовать ее экономику и выбить из рук молодого короля рычаги контроля.

Мухабарат не слишком ликовал по поводу раскрытия заговора. Исламисты дали понять, что намерены атаковать Иорданию, и были близки к успеху. И хотя некоторые участники заговора попали в тюрьму, ключевые фигуры оставались на свободе. В Афганистане или Пакистане они вполне могли начать все заново.

Среди этой группы был Заркави, чьи намерения теперь стали ясны разведке. В сентябре Заркави сидел в офисе капитана Абу Хайсама, умоляя позволить ему оставить Иорданию и начать новую жизнь. Меньше чем через три месяца Мухабарат горько пожалел, что разрешил Заркави покинуть страну. “Он все-таки не забыл об Иордании”, – жаловался Абу Хайсам.

И действительно, интерес Заркави к родной стране не угасал, даже когда его внимание переключилось на более крупные мишени. “Путь в Палестину лежит через Амман”, – повторял он друзьям.

Вскоре Мухабарат узнал и о других готовящихся против Иордании терактах. Следующий заговор, в котором всплыло имя Заркави, был спланирован и организован им лично.

Пребывание Заркави в Пакистане вышло не таким, как он планировал.

Он прибыл в Пешвар в сентябре, намереваясь дальше двинуться на Северный Кавказ, где чеченские сепаратисты как раз начали очередную войну с Российской Федерацией. Если бы Заркави удалось установить контакт с чеченскими добровольцами из Исламской международной бригады, у него появилась бы наконец возможность сражаться против русских – возможность, которой он был лишен во время гражданской войны в Афганистане. Но этому не суждено было сбыться. Пакистанское правительство, помогавшее финансировать афганских повстанцев в 1980-х, в 1999 году стало гораздо менее терпимым к странствующим арабским джихадистам, и Заркави с большим трудом заводил связи и получал необходимые для путешествия документы. Пока он ждал, русские начали ковровые бомбардировки с применением

вакуумных бомб в горах на чечено-дагестанской границе, и большинство чеченских исламистов были уничтожены.

Через полгода после начала путешествия пакистанские власти уведомили Заркави, что срок действия его визы истек и ему придется покинуть страну. Заркави внезапно оказался перед выбором: или вернуться в Иорданию – при большой вероятности, что его арестуют и отправят в тюрьму за участие в “Заговоре тысячелетия”, – или пробираться через горы в Афганистан, ставший гораздо менее привлекательным, чем когда Заркави был там в последний раз. Страна не только была разорена шестилетней гражданской войной; последней фазе конфликта не хватало моральной чистоты, которая привлекала Заркави и десятки тысяч арабских добровольцев в 1980-х и 1990-х годах. Теперь вместо борьбы между исламистами и коммунистами в Афганистане шли сбивающие наблюдателя с толку бои между полевыми командами-мусульманами и талибскими генералами, причем те и другие то и дело заключали между собой недолговечные союзы.

И все же Заркави выбрал Афганистан. С парой друзей он пробрался в Кандагар и явился в штаб-квартиру единственного воевавшего в Афганистане араба, у которого мог рассчитывать на благосклонный прием, – Усамы бен Ладена. Но вместо теплого приветствия Заркави грубо осадили. Основатель “Аль-Каиды”^{*} отказался даже встречаться с Заркави; он выслал одного из своих помощников проверить иорданцев. Впрочем, осторожность бен Ладена по отношению к любым гостям имела под собой серьезные основания: смертоносные атаки на два американских посольства в Африке, совершенные за год до этого, обеспечили бен Ладену место в списке самых опасных преступников, разыскиваемых ФБР. И особенно веские причины заставляли его проявлять подозрительность в отношении гостей, так или иначе связанных с Мухаммадом аль-Макдиси, бывшим сокамерником и наставником Заркави. Макдиси бесил правителей родины бен Ладена, Саудовской Аравии, своими трактатами, в которых призывал свергнуть еретические арабские режимы. У бен Ладена и так были напряженные отношения с саудовскими правителями, и открытое объединение с Макдиси их бы только ухудшило.

Заркави две недели протомили в гостевом доме, прежде чем бен Ладен отправил на встречу с ним своего старшего заместителя, бывшего офицера египетской армии Саифа аль-Аделя. Аль-Адель, вспоминая об этом годы спустя, признавался, что тоже с опаской отнесся к Заркави, который к тому времени уже снискал репутацию воинственного упряма. “Абу Мусаб придерживался жесткой линии, когда дело касалось его несогласия с другими членами братства, – писал впоследствии аль-Адель. – Поэтому я сомневался”.

После обмена традиционными приветствиями аль-Адель постарался оценить иорданца. Первое впечатление его не воодушевило. “Он был крепко сбит и не слишком речист, – вспоминал аль-Адель. – Выражался спонтанно и коротко. И не подвергал сомнению ни одно из своих убеждений”.

Заркави владела великая идея “восстановить ислам в обществе”, у него были жесткие взгляды на то, как должно выглядеть это общество. Но у него, по словам аль-Аделя, не было рычагов, чтобы приблизиться к достижению этой цели. Более того, задавая Заркави вопросы о его прежнем месте жительства, представитель “Аль-Каиды”^{*} обнаружил, что иорданец на удивление плохо осведомлен. “Он достаточно знал об Иордании, но его сведения о Палестине были скудными, – говорил аль-Адель. – Мы слушали, но не спорили, поскольку хотели привлечь его на нашу сторону”.

Несмотря на множество слабых сторон Заркави, аль-Адель постепенно проникся симпатией к гостю, который своей неуклюжестью и неспособностью ясно выразить мысль напомнил аль-Аделю молодую версию его самого. Человек, столь упорно державшийся за свои убеждения, ни в коем случае не мог стать частью “Аль-Каиды”^{*} – аль-Адель и не думал его принимать.

Но представитель “Аль-Каиды”^{*} увидел иной способ извлечь из Заркави пользу для организации. На следующее утро он обсудил свою идею с бен Ладеном.

К концу 1999 года “Аль-Каида”^{*} обзавелась мощной поддержкой в Афганистане, в Северной Африке и в государствах Персидского залива. Но в странах Леванта эта сеть была существенно реже. Великой целью “Аль-Каиды”^{*} было уничтожение Израиля, но ей пока не удалось внедрить своих людей в Иорданию или на палестинские территории, чтобы подготовить почву для удара и необходимого первого шага – свержения прозападного иорданского правительства. Возможно, Заркави с его иорданскими корнями и оставшимися со времен тюрьмы связями с палестинскими исламистами мог бы заштопать этот критический разрыв.

“Разве можно было пренебречь такой возможностью – иметь своих людей в Палестине и Иордании? – спрашивал аль-Адель. – Разве можно было упустить шанс работать с Абу Мусабом и ему подобными в других странах?”

Благонадежность Заркави оставалась под вопросом, так что аль-Адель предложил эксперимент: пусть иорданец руководит собственным тренировочным лагерем для исламских добровольцев из Иордании и других государств Леванта, а также из Ирака и Турции. “Аль-Каида”^{*} собиралась предоставить деньги для организации лагеря, а потом наблюдать с расстояния, на что способен Заркави. “Расстояние” в данном случае составляло около 350 миль: предполагалось, что лагерь для боевиков из Леванта будет “несколько удален от нас”, признавал аль-Адель, то есть размещен возле иранской границы – в Герате, городе на противоположном от базы “Аль-Каиды”^{*} конце Афганистана. Заркави не обяжут присягать на верность бен Ладену или подписываться под каждым пунктом идеологии “АльКаиды”^{*}. Но будет много денег от богатых патронов из стран Залива, а также “полная координация и сотрудничество в достижении наших общих целей”, по выражению аль-Аделя.

Заркави два дня обдумывал предложение и решил принять его.

Его первая тренировочная база первоначально состояла из горстки иорданских друзей и их родственников. Но Заркави разослал приглашения некоторым своим прежним товарищам-моджахедам, а также бывшим сокамерникам, и вскоре новые люди уже пробирались на запад Афганистана. Когда аль-Адель через несколько недель явился проверить, чего достиг Заркави, он насчитал восемнадцать мужчин, женщин и детей. За следующие два месяца население лагеря увеличилось до сорока двух человек, включая сирийцев и европейцев. Один из сирийцев, Абу аль-Гадийя, квалифицированный зубной врач и товарищ Заркави еще с моджахедских времен, говорил на четырех языках и служил чем-то вроде турагента и снабженца, словно бы готовясь к роли, которую он примет несколько лет спустя, – в группе Заркави он будет руководить каналом поставок через Сирию и в Ирак. Однако в те дни самый надежный путь для добровольцев, направлявшихся в Афганистан, проходил через Иран. Хотя Заркави не любил мусульман-шиитов и считал власти Ирана еретиками, ему удалось связаться с несколькими полезными иранцами, которые содержали конспиративные квартиры и контрабандой доставляли людей и все необходимое к афганской границе.

Начальник лагеря за это время превратился в полного энтузиазма командира. Он взял вторую жену, Азру, тринадцатилетнюю дочь одного из живших в лагере палестинцев, что привело в замешательство некоторых его спонсоров из “АльКаиды”^{*}, которые считали, что жениться на детях не подобает. Он проводил свободное время, читая книги, учась работать на компьютере и оттачивая свое ораторское мастерство, постепенно вытесняя привычный сленг Зарки классическим арабским Корана. Он надзирал за обучением своих рекрутов всему, от обращения с огнестрельным оружием до изучения истории и доктрины ислама. “Они создали маленькое исламское общество”, – гордо объявил аль-Адель.

Но долго оно не продержалось. В Кандагаре бен Ладен дал отмашку на атаки 11 сентября 2001 года, которые должны были втянуть США в войну против “Аль-Каиды”^{*} и ее талибских хозяев. По словам аль-Аделя, Заркави держали в неведении насчет планов “Аль-Каиды”^{*}; он узнал о них только после того, как были нанесены удары по Нью-Йорку и Вашингтону. Но когда за терактами последовали недели боев, база Заркави в Герате оказалась под прицелом американцев наравне с базой бен Ладена.

Наконец колонна машин (последователи Заркави и их семьи) двинулась через весь Афганистан, чтобы присоединиться к “Аль-Каиде”^{*} в обороне Кандагара. Финансируемый США Северный альянс при поддержке американского спецназа и авиации уже захватил Кабул, столицу, и готовился к нападению на последний оплот талибского правительства. Но вскоре после того, как в Кандагар прибыла группа из Герата, на дом, где собирались руководители “Аль-Каиды”^{*}, упала американская бомба. Несколько человек получили ранения, другие, в том числе Заркави, оказались погребены под обломками. Иорданца вытащили из-под завалов с серьезными травмами, включая несколько сломанных ребер. Он все еще восстанавливался, когда бен Ладен бежал, изменив “Талибану”^{*} и улизнув в свое укрытие в восточных горах, в крепость, известную как Тора-Бора.

Заркави собрал своих последователей и нескольких отставших боевиков “Аль-Каиды”^{*} и бросился в противоположном направлении, к Ирану: приграничные города, где он когда-то вербовал единомышленников, казались ему безопасными. Там, как вспоминал позднее аль-Адель, беглецы разделились на небольшие группы, чтобы обдумать свои тающие на глазах возможности. На востоке Афганистана пало под массированными американскими бомбардировками горное убежище бен Ладена. В Иране правительственные чиновники, которые поначалу обещали принимать беженцев из “Аль-Каиды”^{*}, передумали и арестовали несколько десятков новоприбывших, включая большую часть гератского контингента. Где же могли люди из “Аль-Каиды”^{*} обрести убежище, которое обещало бы и физическую безопасность, и возможность отдохнуть и перегруппироваться?

Такое место нашлось в северо-восточных горах Ирака. Всего в нескольких милях от иранской границы несколько курдских деревень и небольших городов пользовались шаткой автономией; иракская диктатура до них не дотягивалась. Эти курдские провинции находились под защитой американской бесполетной зоны, установленной в конце первой войны в Заливе в 1991 году, и в их границах пустили корни самые разнообразные политические фракции. Имелось здесь и курдское талибаноподобное движение, членами которого были многие участники афганской войны; они называли себя “Ансар аль-Ислам”, то есть “Помощники ислама”^{*}. Движением руководили экстремистски настроенные сунниты, быстро навязавшие жителям подконтрольных деревень жесткие законы шариата. Они запретили музыку в любой форме, заставили женщин закрывать лицо, выходя на люди, и объявили вне закона школы для девочек. Кроме того, они питали слабость к экспериментам с ядами и учредили кустарную лабораторию, где ставили на бродячих собаках опыты с цианидом и самодельным рицином.

Помимо всех этих прелестей, Северный Ирак предоставлял беглому иорданцу и другие возможности. Заркави было легче смешаться с местным населением здесь, чем в Афганистане, где он не говорил ни на одном из местных наречий. А крайняя изоляция региона давала возможность восстановить силы без помех.

Добравшись до базы “Ансар аль-Ислама”^{*}, Заркави перебрался в примитивное жилище в крошечной деревеньке Саргат, скоплении каменных лачуг в тупике дороги, ведущей в горы. С горсткой гератских последователей и парой тысяч долларов, оставшихся от денег “Аль-Каиды”^{*}, он приступил к восстановлению своего афганского тренировочного лагеря. Новый лагерь серьезно отличался от прежнего, в первую очередь отсутствием хоть сколько-нибудь

значительного влияния со стороны “Аль-Каиды”^{*}: до укрытия бен Ладена было больше двух тысяч миль. Заркави рассчитывал на появление новых союзников и сторонников, включая сочувствующих багдадских исламистов, которые приютили его, когда он тайно ездил в Ирак лечить сломанные ребра. К тому же Заркави стал шире смотреть на цели своего джихада. До 2001 года главными объектами его ненависти были Израиль и правительство родной Иордании. Теперь боль от сломанных ребер постоянно подогревала желание причинить вред Соединенным Штатам. Именно так он сказал аль-Аделю незадолго до того, как покинул Иран, чтобы присоединиться к силам “Ансар аль-Ислама”^{*}. Это была последняя их встреча.

“Когда он зашел проститься перед отъездом из Ирана, – вспоминал аль-Адель, – то особо подчеркнул, как важно отомстить американцам за преступления, совершенные во время бомбардировок Афганистана, коим он сам был свидетелем”.

Жесткий характер Заркави перековывался трижды: войной, тюрьмой и ответственностью, которую он принял, командуя собственным тренировочным лагерем в Афганистане. В конце концов он стал видеть себя лидером и человеком, у которого есть предназначение. И вот теперь, полагал аль-Адель, его образ действий и мыслей снова изменился, закаленный на этот раз “враждой и ненавистью к американцам”.

На Западе газеты начали рассуждать, готовится ли правительство Джорджа Буша к второй войне против Саддама Хусейна. Кто как, а Заркави воспринял эти дискуссии всерьез. Беседуя в унылые месяцы 2002 года с павшими духом исламистами, он говорил о грядущих великих битвах и о том, что сама судьба привела его в нужное место, где он вступит в схватку со злейшими врагами Аллаха. Об этом свидетельствовал Фуад Хусейн, иорданский журналист, который встречался с Заркави в тюрьме и позже написал книжку о ранних годах предводителя террористов. В те дни бен Ладен был в бегах в Пакистане, а арьергард “Талибана”^{*} преследовали в горах Восточного Афганистана бойцы американского спецназа. И все же настоящее противостояние еще впереди, пророчествовал Заркави, в стране, которая как минимум последние сто лет не вела религиозных войн.

“Ирак, – говорил Заркави друзьям, – станет местом предстоящей битвы с американцами”.

Глава 5

“Я сделал это во имя “Аль-Каиды”* и ради Заркави”

Лоуренс Фоули никогда не был ярким человеком, но что-то было в этом уроженце Бостона, что выделяло его даже в таком космополитичном городе, как столица Иордании. Он был крупным по амманским стандартам, с внушительным животом, способным вместить все дипломатические ужины и обеды, которые требовались от среднего уровня чиновника посольства США. Венчик седых волос торчал, как вата, контрастируя с красноватым веснушчатым лицом ирландца. Он любил подолгу гулять со своим золотистым ретривером Богартом в районе, где человек, гуляющий с каким бы то ни было домашним животным, все еще обращал на себя внимание. Еще больше удивлял его друзей отказ поддаваться всеобщей суете и хлопотать о собственной безопасности, как делали многие граждане западных стран в напряженные месяцы после терактов 11 сентября 2001 года. “Иордания – место спокойное”, – уверял шестидесятидвухлетний Лоуренс своих родных, которые, сознавая, что быть американцем в Аммане стало небезопасно, тревожились за него.

В первые недели и месяцы после терактов враждебность по отношению к американцам резко возросла, и некоторые семьи сбились в защищенные анклавов возле посольства, которое обросло новыми заграждениями и вооруженной до зубов военной охраной. Но Фоули, за тридцать лет работы за границей служивший и в гораздо более опасных местах, решил остаться в двухэтажной вилле в Западном Аммане, где кованые решетки на окнах и розовые кусты словно бы гарантировали мирную иорданскую повседневность – какой она видится экспату. По вечерам они с женой Вирджинией продолжали выгуливать Богарта вдоль улицы Абдаллы Гошеха, приветствуя соседей взмахом руки и одной-двумя простыми арабскими фразами. Каждое утро Фоули садился за руль подержанного “мерседеса” С-280 винного цвета, с дипломатическими номерами (он держал машину под небольшим навесом за решетчатыми воротами) и ехал в посольство. Он придерживался своего режима – демонстративно, вызывая, – даже когда в начале осени 2002 года стали поступать предупреждения о плане террористов похищать американцев в Иордании с целью выкупа.

Его работа в миссии – поиски финансирования для водоочистных проектов, а также партнеров для иорданских предпринимателей – была не особенно престижной, но важной, и Фоули отдавался ей с энергией и страстью. Ему нравилось работать в амманских лагерях беженцев и втягивать их обитателей в разговор. Его бесконечные вопросы о жизни в лагере заставляли иных подозревать, что Фоули – шпион ЦРУ, хотя большинство бывали очарованы дородным американцем с обезоруживающей широкой улыбкой. Восхищенные начальники присудили ему специальную награду, и вечером 27 октября 2002 года посольство вручило Фоули памятный знак и дало в его честь ужин, продолжавшийся допоздна. Фоули пришел домой усталым, но полным энтузиазма, как вспоминала впоследствии Вирджиния. “Я там, где хочу быть, – сказал он ей, – и делаю то, что хочу делать”.

На следующее утро он, как обычно, поднялся, оделся и в 7.20 направился к навесу. Он уже потянулся к дверце “мерседеса”, когда внезапно с противоположной стороны машины выросла какая-то фигура. Лицо человека было скрыто головным покрывалом в черно-белую клетку – куфией. В правой руке он держал пистолет с глушителем.

Пип. Пип.

Фоули пошатнулся. Стрелявший сделал шаг вперед и разрядил в него всю обойму.

Пип. Пип. Пип. Пип. Пип.

Фоули скорчился на тротуаре; пули попали ему в лицо, шею, в плечо и грудь. Человек в куфии перелез через невысокую стену и побежал к машине с водителем, ожидавшей его через квартал. Все произошло меньше чем за минуту, шума было так мало, что соседи не слышали

выстрелов и не видели тела, лежавшего, раскинув ноги, в кровавой луже между “мерседесом” и розовыми кустами.

Но кое-кто за много миль от Западного Аммана слышал, как через час стрелявший связался по телефону с кем-то на севере Ирака. “Сообщите шейху, – сказал убийца, – что все исполнено должным образом”.

Фрагмент перехваченного разговора между убийцей и его связным был рутинной добычей для Агентства национальной безопасности, или АНБ, – американской разведывательной службы, которая ведет самую плотную разведку наблюдением по всему миру. После терактов 11 сентября АНБ методично разбирало огромное количество данных, сосредоточившись на тех регионах, где теоретически могли укрываться Усама бен Ладен и другие деятели “Аль-Каиды”*. Летом и осенью 2002 года одним из таких мест был северо-восток Ирака. Вскоре должностные лица самого высокого уровня в Белом доме и Пентагоне уже пристальнейшим образом наблюдали за несколькими горными деревнями – настолько маленькими, что не на каждой карте региона они были отмечены.

Убийство американского дипломата – большая редкость даже для такой неспокойной части мира. Самые первые подозрения, возникшие после первоначального анализа звонка убийцы, указывали на “Аль-Каиду”*, и в частности – на человека, чье имя еще не впиталось в сознание большинства аналитиков антитеррористического центра ЦРУ.

Но в агентстве служил сотрудник, знавший Абу Мусаба аз-Заркави лучше всех и имевший основания сомневаться. Нада Бакос, новоиспеченный тридцатитрехлетний аналитик, появилась в управлении всего двумя годами раньше, но быстро становилась ведущим экспертом ЦРУ по Заркави. В последние годы эта фермерская дочка из Центральной Монтаны возглавляла охоту за террористом, неделями работая без перерыва на пыльных военных базах Ирака в нескольких милях от места, где мог обитать Заркави. Она отслеживала его передвижения, о которых становилось известно, допрашивала захваченных в плен боевиков и даже сопровождала американских солдат во время полуночных рейдов на попавшие под подозрение квартиры. Бакос рылась в его биографии и привычках с таким рвением, что сослуживцы подшучивали насчет ее иорданского “бойфренда”.

Но что-то в том, как все спешили возложить вину на Заркави, ей не нравилось. Она допускала, что приказ о нападении отдал именно он, но такое допущение могло оказаться чересчур удобным. Иорданцы рьяно взялись бы доказывать, что преступление было терактом международного масштаба, а не случайным актом насилия, вредящим репутации страны в глазах туристической индустрии. Более того, немногие знавшие имя Заркави чиновники из бушевского Белого дома в последнее время как-то странно заикнулись на иорданце. В отделение Бакос в ЦРУ постоянно поступали запросы от назначенцев Буша о слухах насчет связи Саддама Хусейна с “Аль-Каидой”* (в данный момент администрация не сводила глаз с президента Ирака). Если Ирак играл хоть малейшую роль в совершенных “Аль-Каидой”* 11 сентября терактах, это давало безупречный повод для вторжения. ЦРУ могло дезавуировать большинство слухов о причастности Ирака к трагедии 11 сентября, но случай Заркави был более туманным. Разве не его видели в Багдаде получающим медицинскую помощь в одной из государственных больниц? Разве не Заркави “Аль-Каида”* давала деньги и землю, чтобы он организовал тренировочный лагерь на западе Афганистана? Разве не он, когда началось наступление на Афганистан, бежал в Ирак, вместо того чтобы присоединиться к бен Ладену в крепости Тора-Бора? И еще более тревожный вопрос: предлагала ли предполагаемая лаборатория ядов “Ансар альИслама”* сотрудничество Саддаму Хусейну, чей интерес к химическому оружию в 1990-е годы был хорошо известен?

Бакос и ее коллеги добросовестно пытались ответить на все эти вопросы в рамках тех немногих сведений, которыми они располагали в конце 2002 года.

Теперь вопросы умножились. Застрелен американский дипломат, имеется убедительное доказательство того, что распоряжение об убийстве отдано с иракской земли, человеком, очевидно связанным с “Аль-Каидой”^{*}.

Для большинства американцев и даже для большинства аналитиков ЦРУ Заркави оставался неизвестной фигурой в какой-то малозначимой тупиковой ветви международного джихадистского движения. Но данный ему в бушевском Белом доме вертикальный старт забросил его на самый верх террористической пирамиды.

В первые два беспокойных года Нады Бакос в ЦРУ бывали моменты, когда история, казалось, летела прямо в нее, как шрапнель или кирпичная крошка сквозь ветровое стекло. Один из таких случаев произошел ранним утром 11 сентября 2001 года. Бакос и другие молодые аналитики сгруппировались возле телевизора, как раз чтобы увидеть, как второй авиалайнер прошивает алюминиевое покрытие Второй башни Международного торгового центра и взрывается, выйдя с северной стороны здания. “Аль-Каида”^{*}, слышалось среди беззвучных вскриков и слез, пока служащие смотрели, как черный дым стелется над Нижним Манхэттеном. Сотрудники по приказу об эвакуации сплошным потоком покидали здание, но Бакос, в то время начинающий аналитик, с золотисто-русыми волосами и мягкими карими глазами, не могла заставить себя уйти.

“Я все спрашивала себя, что я могу сделать, – говорила она впоследствии. – Наверное, нас попросят действовать?” И действительно, буквально через несколько минут руководитель антитеррористического отдела ЦРУ Кофер Блэк собрал группу из двухсот служащих, оставшихся в здании. Его слова определили работу агентства на несколько лет вперед: найти и уничтожить бен Ладена и разгромить его организацию. “Идет война, – сказал Блэк, – и эта война отличается от всех наших прежних войн”.

Другой эпизод имел место через год. Бакос осознала, что сидит в небольшом конференц-зале с вице-президентом Соединенных Штатов. Страна вплотную подошла к войне с Ираком, и Дик Чейни, в то время главный защитник военной стратегии в администрации Буша, решил нанести весьма нетипичный визит в кампус ЦРУ в Лэнгли (Виргиния), чтобы лично задать вопросы главным специалистам по борьбе с терроризмом. Кабинет Чейни много месяцев требовал, чтобы ЦРУ занималось поиском возможных связей между атаками 11 сентября и иракским президентом Саддамом Хусейном. Заркави возникал как интригующая фигура, но доклады ЦРУ об этом человеке были куда умереннее тех, что приходили из Пентагона, из Управления специального планирования – теневой разведывательной службы, созданной заместителем министра обороны Дугласом Фейтом, иракским “ястребом” и назначенцем Буша. Что в действительности было известно агентству?

В то утро вице-президент прибыл в обществе нескольких помощников (хмурые взгляды, темные костюмы) на встречу, которой суждено было стать вторым открытым выяснением отношений с агентством из-за иракских материалов. Первое, под председательством директора ЦРУ Джорджа Тенета, прошло неважно. У крупных чинов агентства не нашлось готовых ответов на вопросы Чейни о подозрительных контактах между предполагаемыми деятелями “Аль-Каиды”^{*} и Саддамом Хусейном. Его вопросы обнаружили серьезный пробел в сведениях разведки об иракском лидере и о поддержке, которую тот оказывал террористам, в том числе, возможно, и бен Ладену.

Тенет созвал вторую встречу, в которой разрешили принять участие молодым служащим – тем, кто знал досье лучше всего. Так и получилось, что Бакос, на третьем году ее службы в ЦРУ, пригласили поучаствовать в информировании второго по могуществу человека в стране.

Встреча проходила в здании штаб-квартиры, на седьмом этаже, возле приемной и кабинетов начальства. Из окон был виден густой лесной массив, играющий роль щита между разведслужбой и людными виргинскими пригородами Вашингтона. Чейни и его советники сидели по одну сторону длинного стола, лицом к лицу с руководителями среднего уровня, вооружившимися папками и блокнотами с прошлого заседания (накануне имела встреча, посвященная практическим вопросам и получившая название “совет по убийству”). Бакос, одна из самых молодых служащих в этом кабинете, заняла место за спиной у босса. Ее задачей было служить запасным вратарем, с ходу отвечая на вопросы, пролетающие за переднюю линию. Поначалу она нервничала, но потом расслабилась и с восхищением слушала, как Чейни задает вопросы. Он скептически поглядывал поверх очков на экспертов ЦРУ, а тон его был вежливым, но настойчивым, как у опытного прокурора, который ломает сопротивление не желающего говорить свидетеля.

Бакос молча сидела на стуле у дальней стены, слушая, но не вполне веря. Причин охотиться за человеком, который в 1999 году участвовал в подготовке “Заговора тысячелетия”, было множество. Но... группа заговорщиков, куда входят радикал-джихадист и светский до мозга костей иракский лидер, жестоко преследовавший исламистов у себя в стране? Неужели Чейни серьезно?

Чейни был более чем серьезен. Через пару недель его помощники с негодованием отреагировали на рапорт ЦРУ с пометкой “совершенно секретно” (Бакос участвовала в его составлении) – ничего, кроме голословных опровержений слухов об оперативных связях между правительством Саддама Хусейна и “Аль-Каидой”*. В отчете говорилось, что истории о тайных контактах между двумя заклятыми врагами, распространяемые помощниками Буша, “как выяснилось, основаны на слухах” при отсутствии “доказанных деталей или другой информации, которая могла бы подтвердить их”.

Ответов, как понял Чейни, не существовало; и все же чем больше ЦРУ сдавало назад, тем настойчивее становилась команда Чейни. Однажды помощник Буша позвонил Бакос прямо на ее рабочее место, чтобы кое-что уточнить насчет одной строки в ее отчете. Этот звонок нарушал освященный временем протокол, запрещающий политическим деятелям контактировать с частными аналитиками напрямую, – правило, призванное защитить сотрудников ЦРУ от политического давления. Бакос быстро повесила трубку и пожаловалась своему боссу, который, возмущившись нарушением этики, позвонил в Белый дом.

“Нас просили доказать отсутствие связи: подтвердить, что Заркави не состоял в “Аль-Каиде”* и не работал с Саддамом, – вспоминала Бакос. – И даже когда мы пытались сделать это, ответ был: ну и что? Цель у них у всех одна, так какая разница?”

Едва ли так Бакос представляла себе свою работу, когда двумя годами раньше подавала заявление в разведслужбу. Заявление было шуткой, случайным пари, которое она держала сама с собой. Долго еще после того, как ее приняли на работу в ЦРУ, близкие дома считали, что Нада – нечто вроде секретаря-референта, отвечает на телефонные звонки и просматривает электронную почту. Еще никто в крошечном монтанском Дентоне не занимался делом столь славным, как отслеживание террористов.

Когда-то Бакос мечтала стать ветеринаром – казалось бы, вполне подходящая работа для молодой женщины, выросшей рядом с лошадьми и проводившей долгие летние дни в одиночестве, разъезжая по ранчо на любимом жеребце. В юности ее горизонты ограничивались крошечной средней школой с выпускным классом из девяти учеников да передачами о полицейских, которые она любила смотреть по телевизору. Но уже тогда она знала, что хочет большего.

Автомобильная авария во время первого года в Университете Монтаны едва не положила конец ее амбициям. Но Бакос сумела вернуться в колледж и направила энергию на другую специальность, экономику, начала строить смутные планы работать в сфере международных

отношений. Она вышла замуж, недолго поработала на цементном заводе и в горнодобывающей компании. Потом, за несколько месяцев до своего тридцатого дня рождения, она уложила имущество в “форд” – пикап F-150 и покатила через всю страну в Вашингтон. Бакос только что развелась, у нее не было ни работы, ни каких-либо внятных перспектив, но ее отчим, ветеран вьетнамской войны, убеждал ее попробовать силы в разведке. Он увидел объявление в *Economist* и посчитал, что Нада вполне подходит для этой работы. “Меня не возьмут, – говорила Нада отчиму. – С чего?” – “Просто подай заявление, и все”, – ответил он.

Бакос не смогла выбросить эту идею из головы. Она как раз и подумывала о месте экономиста-аналитика в каком-нибудь правительственном агентстве, возможно – в Государственном департаменте. “ЦРУ” звучало как приключение. И она сказала себе: “Почему бы и нет?”

Бакос заполнила заявление, прошла проверочные испытания и, к ее изумлению, ей позволили из кадрового отдела агентства, назначили собеседование. Пять месяцев спустя Бакос уже входила в знаменитую дверь, мимо шестнадцатифутовой гранитной мозаики с эмблемой агентства. Сначала она работала техническим специалистом, в самом низу бюрократической пирамиды, но быстро вырвалась в аналитики – ответственная должность, в разведке сочетающая умение идти по следу со способностью обрабатывать огромные массивы данных, полученных от электронных и человеческих шпионских сетей. Благодаря своей экономической подготовке Бакос попала в команду, которая отслеживала финансовые преступления Саддама Хусейна, включая его беззастенчивое жульничество с торговыми эмбарго ООН. Вскоре ее должностные обязанности расширились – в них теперь входила обработка других разведданных об Ираке, в том числе о поддержке, которую диктатор оказывал террористическим организациям, что, в свою очередь, вело к Заркави.

Стройная и светловолосая, Бакос привлекала внимание сотрудников в организации, где трудились преимущественно мужчины, особенно в рядах руководства. Но еще больше выделяло ее то, насколько хорошо она владела предметом изучения. Она не только впитывала каждую каплю доступных сведений о Заркави и его главных подручных, но также проявила поразительный талант видеть закономерности в потоке случайных на первый взгляд деталей. Один из ее тогдашних руководителей отзывался о Бакос так: “Она один из лучших виденных мной аналитиков”.

“Она вроде тех, кто умеет просчитывать карточные ходы в Лас-Вегасе, – говорил ныне ушедший в отставку высокий чин ЦРУ. – Бакос заранее видит всю цепочку изменений, которые могут произойти от вброса одной-единственной детали. Научить такому невозможно”.

Сама Бакос позже скажет друзьям, что эта работа – первая, которая по-настоящему ей подходит. “Здесь я в центре событий”, – говорила она. Однако впервые в жизни она столкнулась и с тяжелой правдой. Так, на протяжении всей своей карьеры Бакос наблюдала, насколько выборочно политические лидеры подходят к секретным материалам, желая представить избирателям уклончивую, выгодную им самим версию реальности. Этим грешили все президенты – но одни, пожалуй, больше, чем другие.

И вот теперь этот урок приходилось учить заново. После визита Чейни осталось немало обиженных. Вице-президент и его команда улетели в Вашингтон без каких-либо существенных прибавок к иракскому досье. Некоторых аналитиков ЦРУ, присутствовавших на встрече, этот визит глубоко обескуражил. Белый дом явно готовился к военной операции, а Чейни и его команду, казалось, вовсе не тревожило, что имеющиеся доказательства делают позицию администрации весьма шаткой. “Я считала, что мы знали недостаточно, – вспоминала Бакос. – Но еще меньше я знала о том, как вступают в войну”.

Через несколько лет Чейни будет настаивать, что его заикленность на возможных связях Ирака с террористами была вполне оправданной. “Я задавал жесткие вопросы”, – признавал он в письменном отчете о визите в ЦРУ. Анализируя возможные угрозы стране после терактов

11 сентября, Чейни заключал: не было “места, которое лучше служило бы связующим звеном между терроризмом и [оружием массового поражения], чем Ирак Саддама Хусейна”.

“Оглядываясь на произошедшие события и даже принимая во внимание, что некоторые полученные нами разведданные оказались неверными, мы заключаем, что все же оценили положение правильно”, – писал Чейни.

Обоснованно или нет, но Белый дом не закончил с Заркави. Повышенный интерес к возможным связям иорданца с Ираком продлится до самого начала операции и – к досаде Нады Бакос – растянется на долгие годы. Убийство американского дипломата в Иордании еще больше усилило давление.

После того как Лоуренса Фоули среди бела дня расстреляли в одном из самых безопасных районов Аммана, высшие эшелоны иорданского правительства охватило нечто весьма напоминающее панику. За всю историю страны ни один американский дипломат не подвергался серьезной угрозе, не говоря уж об убийстве. Король Абдалла II лично встречался с официальными лицами из ЦРУ и Госдепартамента для согласования первых этапов расследования. Он и его жена, королева Рания, нанесли визит вдове Фоули, чтобы выразить соболезнования и помочь в подготовке возвращения тела ее мужа в Соединенные Штаты. Тем временем полиция и Мухабарат толпами вязали и допрашивали исламистов-радикалов. В течение сорока восьми часов более сотни человек отправились в тюрьму, а у разведки все еще не было ответа на вопрос, кто стоял за убийством Фоули и почему из нескольких тысяч проживающих в Аммане американцев выбрали именно его. Кто стал бы утруждать себя расправой над среднего уровня бюрократом, чьей главной обязанностью было улучшение питьевой воды в Иордании?

Тридцатого октября двойной эскорт из военно-морского десанта США и иорданского почетного караула отвез урну с прахом Фоули в амманский аэропорт к военному транспортному самолету; прах провожали Вирджиния Фоули и золотистый ретривер Богарт. Тем временем на другом конце города в штаб-квартире Мухабарата продолжались допросы. Неизвестная группа джихадистов взяла на себя ответственность за преступление, однако их заявление было проверено и отклонено. Следователи давили, угрожали, льстили. Проходили недели, но они не нащупали ни одной ниточки, за исключением перехваченного телефонного звонка, сделанного, вероятно, с дешевого “паленого” телефона с краденой картой памяти.

И вот в конце ноября один из информаторов Мухабарата подслушал неясные разговоры о странном ливийце, который обосновался в поселении для беженцев в районе Марка, на окраине Аммана. Иностранец появился в сентябре, якобы чтобы помочь другу открыть магазин женской одежды, специализирующийся на черных абаях и головных покрывалах, какие носят религиозные женщины. Эти двое наняли небольшое помещение на первом этаже, с витриной на улицу, и снабдили его вывеской “Маленькая принцесса”. Еще они арендовали маленький склад, к недоумению соседей, не понимавших, зачем крошечному магазину понадобилось столько места для хранения товара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.